

СЕНТЯБРЬ.

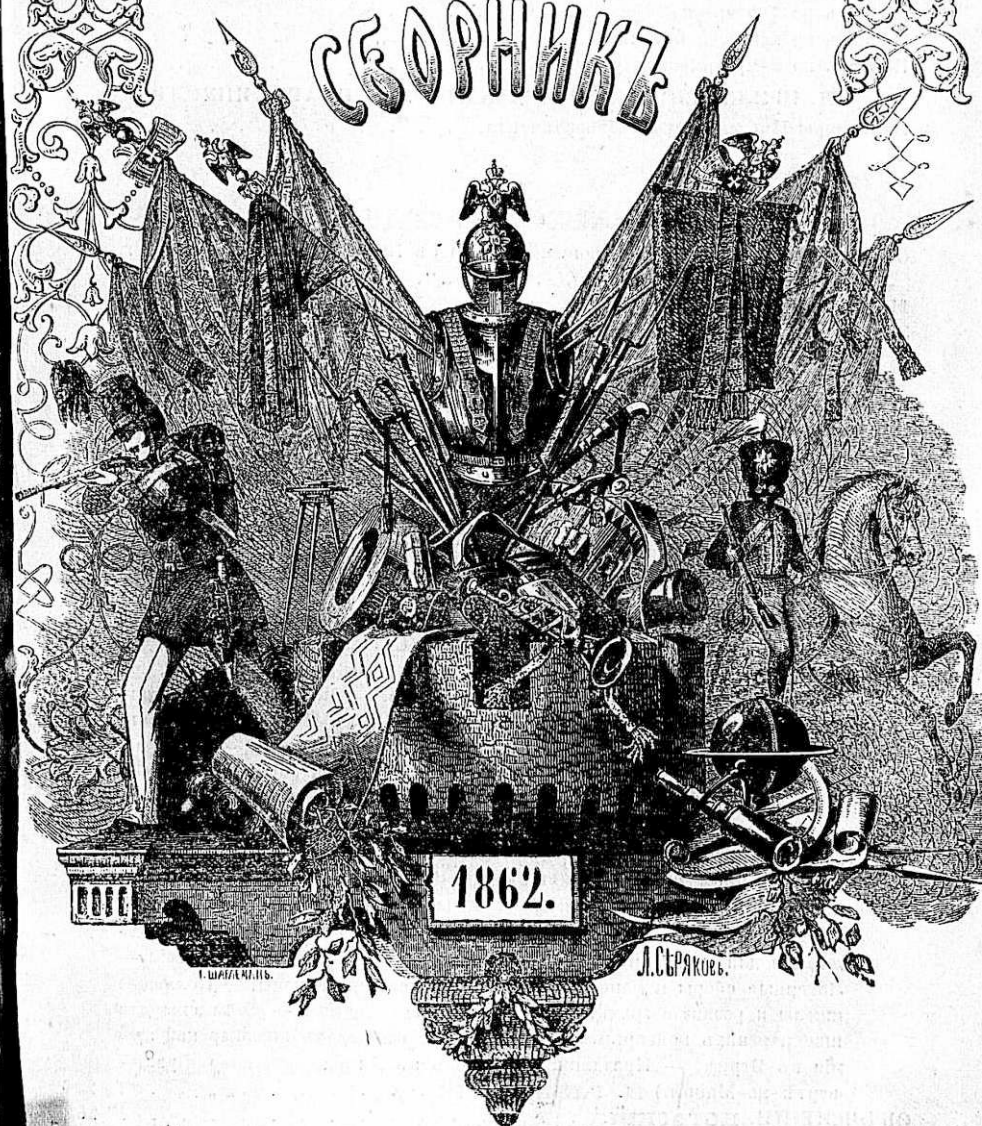
№ 2

98
33

ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

1862.

Л.С.Ряковъ.

$\Delta \frac{98}{33}$

ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ТОМЪ XXVII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ

1862

802-18

464

ОЧЕРКЪ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ РОССИИ СЪ БУХАРОЮ

СЪ 1836 ПО 1843 ГОДЪ.

Знакомство наше съ Бухарою началось издавна и постоянно отличалось миролюбивымъ характеромъ.

Независимо отъ политическаго значенія, ханство это представляло интересъ, какъ важный потребитель нашихъ произведеній, какъ проводникъ, съ помощію котораго товары наши могли проникать въ Афганистанъ и въ заманчивую Индію. Въ свою очередь, Бухарицы, съ выгодною мѣня въ Россіи незатѣйливья свои издѣлія на предметы первой необходимости, которыхъ они изъ другихъ странъ получить не могли, естественно предпочитали мирныя сношенія съ нами всякому иному ходу дѣлъ и цѣнили ихъ болѣе, чѣмъ кочевой Киргизъ или разбойникъ хивинскаго оаза.

Кромѣ такихъ обстоятельствъ, способствовавшихъ дружбѣ двухъ народовъ, было и еще одно, устранявшее причины многихъ несогласій. Бухара, подобно Хивѣ или Кокану, никогда не прикасалась къ границамъ Россіи, слѣдовательно здѣсь не могло быть и поводовъ къ тѣмъ мелкимъ пограничнымъ спорамъ и разбоямъ, которыми такъ беспокоивали насъ первыя два ханства. Даже въ послѣдствіи, съ занятіемъ рѣки Сыра, когда имперія плотно примкнула къ средне-азіатскимъ владѣніямъ, Бухара, по прежнему, осталась отдѣленною отъ насъ бесплодными песками Кызылъ-Кумъ, и въ то время, когда, на границахъ нашихъ, подвластные Хивѣ и Кокану народы производили непрерывные грабежи, возмущали Киргизовъ и проч., ханство это оставалось совершенно нейтральнымъ.

Правда, Бухарцы не могли окончательно отрѣшиться отъ своихъ азіатскихъ привычекъ и изъ вторыхъ и третьихъ рукъ закупами русскихъ плѣнныхъ, правительство ихъ нерѣдко снаряжало въ Россію пословъ съ исключительнымъ расчетомъ на хорошіе подарки и брало почти постоянно лишнюю пошлину съ нашихъ купцовъ, но всѣ эти поступки, служа темою для переписки, не доводили, однакожь, до открытой вражды, и, въ виду расширенія нашей торговли въ Туранѣ, мы, конечно, до времени могли жертвовать нѣкоторыми частными интересами въ пользу достиженія главной цѣли.

По мѣрѣ распространенія власти Россіи къ югу отъ рѣки Урала, эти давнія сношенія съ сосѣдомъ начали пріобрѣтать серьезное значеніе, и, при болѣе безопасномъ проѣздѣ черезъ степь, явилось желаніе, вызванное, конечно, не однимъ любопытствомъ, изучить подробнѣе и точнѣе, съ торговой и политической цѣлями, Бухарское ханство: отсюда частая посылка въ Бухару нашихъ чиновниковъ и миссій.

Не заходя слишкомъ далеко, а обращаясь только къ настоящему столѣтію, находимъ, что въ Бухару посылались: въ 1802 году поручикъ Гавердовскій, не достигшій, впрочемъ, назначенія, въ 1809 — офицеръ башкирскаго войска Субханкуловъ, въ 1820 — посольство подъ начальствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Негри, въ 1824 — вооруженный караванъ подъ начальствомъ полковника Цюлковскаго, тоже не достигшій цѣли, въ 1834 — оріенталистъ Демезонъ, и въ 1835 — прапорщикъ Виткевичъ.

Чтобы судить, въ какомъ родѣ вели мы переписку съ Бухарою послѣ возвращенія Виткевича, приводимъ письмо къ эмиру оренбургскаго военнаго губернатора, генералъ-адъютанта Перовскаго, отъ 6 октября 1836 года:

«Толковнику премудрости и закона, достопочтенному, всесовершенному, славному, великому эмиру, потомку всемилостиваго хакана, сосредоточію наукъ, благоустройства и славы, разсаднику благоденствія посылаемъ искреннѣйшее почтеніе и горячее расположеніе. Да укрѣпитъ васъ Богъ Всевышній и Всеславный на престолѣ владычества и благодати, охраняя отъ бурь тлетворныхъ и злыхъ судебъ, и да ниспошлетъ вамъ долголѣтіе.

«Засимъ да будетъ вѣдомо благоухающему доблестями сердцу вашему, что, благодаря Зиждителя міровъ, мы проживаемъ въ здравіи и благополучіи.

«Слухи о мѣрахъ, взятыхъ правительствомъ русскимъ про-

тиву своеволій Хивинцевъ, безъ сомнѣнія, давно уже дошли до твердыни вашего достопочтеннаго и могучаго высокостепенства. По этому поводу не излишне будетъ, думаю я, во уваженіе высокаго, знаменитаго, блестящаго великолѣпіемъ сосѣда нашего, для объясненія дѣла, сказать слѣдующее:

«Хивинцы, издавна уже называясь друзьями Россіи, поступали какъ непріатели.

«Хива, по незначительности и безсилію своему, конечно, не могла причинить могущественному сосѣду своему большаго вреда, но за то не пропускала она ни одного случая, гдѣ бы могла выказать наглость и безразсудную свою самонадѣянность противу державы, которая доселѣ даже и не обращала большаго вниманія на козни и происки слабаго и неопаснаго сосѣда.

«Между тѣмъ, Хива не понимала снисхожденія и долготерпѣнія Россіи, и, вмѣсто того, чтобы покаяться и смириться, она съ году на годъ дѣйствовала съ большею дерзостію. Разбои на Каспійскомъ морѣ увеличивались; владѣлецъ хивинскій ободрялъ и поддерживалъ ихъ и самъ вѣдалъ съ добычи разбойниковъ извѣстную подать. Русскихъ плѣнниковъ въ Хивѣ накопилось много; обходятся съ ними жестоко; купцамъ русскимъ въ Хиву ѣздить доселѣ было невозможно, потому что Хивинцы встрѣчаютъ гостей своихъ не саямомъ, не привѣтствіемъ, какъ водится, но петлею, ножомъ или цѣпями рабства; Хива начала собирать подати съ нашихъ подданныхъ, съ Кайсаковъ и съ разбѣгающихъ въ степи купцовъ русскихъ; установила какихъ-то хановъ надъ Кайсаками, нашими давнишними подданными, и притѣсняетъ послѣднихъ по произволу. Если разсудить, что хивинскіе подданные, между тѣмъ, пользовались доселѣ въ Россіи не только свободою, но и всѣми правами и преимуществами вольныхъ торгующихъ людей, что они пріѣзжали, торговали и уѣзжали во всякое время, безъ малѣйшаго притѣсненія, то надобно согласиться, что дѣла и поступки Хивинцевъ достойны наказанія.

«Государь Императоръ изволилъ нынѣ повелѣть начать дѣло тѣмъ, что задержать всѣхъ Хивинцевъ, находящихся въ Россіи, съ товарами и деньгами ихъ, и извѣстить владѣльца Хивы, что ни одинъ человекъ не будетъ освобожденъ, доколѣ правительство хивинское не освободитъ всѣхъ Русскихъ и не общается впредь вести себя достойно и прилично сану своему и другимъ дружественнымъ сношеніямъ съ Россіею.

«Повелѣніе Государя Императора исполнено въ точности. Хивинскій владѣлецъ увѣдомленъ, прямо отъ меня о происшедшемъ. Отъ него будетъ зависѣть поправить нынѣ дѣло или испортить его вовсе.

«Имѣя честь увѣдомить объ этомъ величественную, пресвѣтлую особу вашу, остаюсь я въ совершенной увѣренности, что между руссѣйскимъ и бухарскимъ правительствомъ подпоры пріязни и столпы взаимнаго расположенія стоятъ будутъ, по прежнему, твердо и неизмѣнно; бухарское правительство, безъ сомнѣнія, никогда не подастъ Россіи повода къ неудовольствіямъ. Я увѣренъ также, что если бы въ Бухаріи нашлось нѣсколько человѣкъ давнишнихъ плѣнниковъ Русскихъ или такихъ, которые бѣжали въ Бухару изъ Хивы, то ваше высокостепенство, безъ сомнѣнія, повелите немедленно освободить и представить ихъ въ свое отечество.

«Ко всему этому имѣю удовольствіе присовокупить пріятное, вѣроятно, для вашего благолѣпнаго державнаго высокостепенства извѣстіе, что посолъ вашъ, по ходатайству моему, удостоился быть представленнымъ Его Императорскому Величеству и что подданные ваши, торговые Бухарцы, имѣли счастье быть представленными Государю Императору при проѣздѣ его чрезъ Нижній, между тѣмъ какъ находившіеся тамъ же Хивинцы не удостоились этой чести.»

— Такъ краснорѣчиво трактовалъ о дружбѣ главный начальникъ Оренбургскаго края; повелитель бухарскихъ правовѣрныхъ, въ свою очередь, не оставался глухъ, и съ 1836 по 1843 годъ, не считая посла, упоминаемаго въ письмѣ, Россія еще три раза имѣла удовольствіе видѣть у себя представителей эмира, прібытіе которыхъ вызвало и съ нашей стороны посылку въ Бухару двухъ агентовъ.

Эти-то шестилѣтнія дипломатическія сношенія и составляютъ предметъ настоящаго очерка.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1836 года, явился въ Орскую крѣпость бухарскій посланецъ *Бараулъ-Кеги*, *Курбанъ-Бекъ-Ашурбековъ*, со свитою изъ пятнадцати человѣкъ и четырьмя аргамаками, назначенными въ даръ Высочайшему двору. По случаю пріѣзда этого посла, генералъ Перовскій писалъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ: «Караулъ-беги есть званіе, означающее смотрителя привратниковъ или сторожей: каждыя ворота въ Бухарѣ имѣютъ своего караулъ-беги, и званіе это вовсе неважное. При

этомъ нельзя не вспомнить слова тушъ-бегія, помѣщенныя въ запискѣ Виткевича, что правительство бухарское вовсе не считаетъ нужнымъ избирать въ послы свои въ Россію порядочныхъ людей, а, напротивъ, еще хвалится тѣмъ, что назначаетъ въ этотъ санъ людей ничтожныхъ и низкаго состоянія» (1). Несмотря, однакожъ, на такую вовсе не лестную рекомендацію, караулъ-беги былъ принятъ ласково и получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ со свитою изъ четырехъ человѣкъ; приведенныхъ же имъ четырехъ аргамаковъ велѣно было помѣстить на заводы Оренбургскаго края, по усмотрѣнію Перовскаго.

По прібытіи въ столицу, посолъ представилъ отъ эмира на Высочайшее имя грамоту и письма отъ кушъ-бегія къ министру иностранныхъ дѣлъ и директору Азіятскаго Департамента. Цѣль посольства, кромѣ дружескихъ изъявленій и желаній эмира упрочить политическія и торговыя связи съ Россією, состояла еще въ передачѣ нашему правительству слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) что Англичане изъ Индіи опять въ недавнемъ времени присылали къ Бухарцамъ своихъ агентовъ, убѣждая заключить условія, по коимъ Англичане стали бы доставлять въ Бухару всѣ нужные товары самымъ выгоднымъ для Бухарцевъ образомъ; 2) что кабульскій владѣлецъ, угрожаемый Ренжитъ-Сингомъ, также присылалъ къ бухарскому хану нарочнаго, съ предложеніемъ заключить родъ оборонительнаго союза, дабы совокупно дѣйствовать противъ общихъ враговъ ихъ (2).

28 марта посолъ возвратился въ Оренбургъ; ему вручены были отвѣтная грамота Государя къ эмиру, письмо вице-канцлера къ кушъ-бегію и особая нота (3). Кромѣ вещей: суконъ, хрусталя (4), назначенныхъ для эмира, его сановниковъ и посольства, содержаніе, переѣзды и денежные подарки караулъ-беги и его свитѣ, не считая расходовъ на него въ Петербургѣ, обошлись казнѣ, какъ видно изъ отчетовъ, до 4,500 р. сер. Посолъ выѣхалъ изъ Оренбурга 24 августа.

Не видя при такой цѣли посольствъ особой пользы въ частомъ пріѣздѣ ихъ въ Россію и тяготясь убыточными гостями, правительство наше уже тогда рѣшилось деликатнымъ образомъ ограничить визиты сосѣдей, и графъ Нессельроде, въ письмѣ къ кушъ-бегію, указывая на дальность разстоянія столицы имперіи отъ азіятской границы, просилъ во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ обращаться къ оренбургскому военному гу-

бернатору, какъ лицу, облеченному довѣренностію Государя; но Бухарцы не хотѣли понять такихъ тонкостей (5).

Не прошло двухъ лѣтъ со времени отъѣзда караулъ-беги, какъ въ августѣ мѣсяцѣ 1838 года, передъ кордономъ Орской крѣпости, явился новый посолъ—*Балта-Кули-Бекъ Разметьбековъ*, бывшій уже въ Россіи, въ качествѣ представителя Бухары, въ 1830 году. Посолъ этотъ, кромѣ грамоты отъ эмира къ Государю, писемъ отъ сановниковъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, Перовскому и другимъ, доставилъ въ подарокъ двору слона, аргамакъ и нѣсколько кашемировыхъ шалей и, сверхъ того, вывезъ трехъ русскихъ плѣнныхъ; свита его состояла изъ 20 человекъ. Послу было назначено въ день кормовыхъ 2 р. сер., пяти значительнымъ лицамъ свиты по 50, а прочимъ по 25 к. сер. въ сутки. Балта-Кули-Бекъ былъ принятъ ласково и допущенъ ко двору; по словамъ Перовскаго, это былъ «старикъ самыхъ ограниченныхъ способностей» (6). Для какой же цѣли явился новый агентъ эмира? За неимѣніемъ подлинной грамоты бухарскаго владѣльца для разрѣшенія такого вопроса, прибѣгаемъ къ отвѣтной грамотѣ Государя и къ письмамъ графа Нессельроде къ первому сановнику Бухары, Ишанъ-Рейсу, и самому послу (7). Та же благодарность за изъявленную дружбу, то же обѣщаніе покровительствовать торговлѣ обѣихъ странъ, о чемъ испрашивали и прежніе послы, и то же препровожденіе знаковъ пріязни—разныхъ подарковъ. Новаго же находимъ только то, что корыстолюбивому эмиру захотѣлось поискать въ своей землѣ золота, и вотъ онъ проситъ прислать въ Бухарию горнаго чиновника для изслѣдованія рудъ и отысканія металловъ и дорогихъ каменьевъ—просьба, которая могла быть сдѣлана и безъ снаряженія особаго посольства.

27 октября, Балта-Кули-Бекъ выѣхалъ изъ Оренбурга на родину, нагруженный съ избыткомъ различными знаками пріязни въ видѣ парчи, сукна, хрустала и проч. (8)

Содержаніе и переѣзды этого новаго гостя, а также денежные подарки ему и свитѣ, не считая расходовъ во время пребыванія въ Петербургѣ, обошлись казнѣ до 9,000 р. сер. (9), въ томъ числѣ на содержаніе и доставку въ Петербургъ слона 3,000 р. (10). Если къ этимъ цифрамъ прибавить еще цѣнность разныхъ вещей, которыя были назначены эмиру и посольству, то нельзя сказать, чтобы намъ дешево обошлось новое заявленіе дружбы Нассыръ-Улмы. По крайней мѣрѣ, очевидно бы-

ло, что частая отправка пословъ могла составить для него новый и довольно прибыльный родъ спекуляціи, въ которомъ его высокостепенство, кромѣ даровыхъ слоновъ да нѣсколькихъ аргамаконъ, не рисковалъ ничѣмъ, такъ какъ самое содержаніе пословъ отъ Бухары до Оренбурга почти всегда падало на тѣхъ купцовъ при караванѣ, съ которыми они слѣдовали.

Просьба эмира была, однакожъ, уважена, и, по Высочайшему повелѣнію, въ апрѣлѣ 1839 года, снаряжена была въ Бухару особая экспедиція, подъ начальствомъ горнаго инженеръ-капитана Ковалевскаго, въ составъ которой вошли горный инженеръ штабсъ-капитанъ Гернгросъ, переводчикъ, штейгеръ, два мастеровыхъ и четыре казака. На снаряженіе экспедиціи ассигновано 6,000 руб. ассигн.; жалованья со дня командировки изъ мѣстъ служенія, то есть съ 10 апрѣля 1839 года, по день возвращенія въ Россію, положено: Ковалевскому по 50, младшему офицеру и переводчику по 30, штейгеру по 5 и мастеровымъ по 3 червонца въ мѣсяцъ, съ отпускомъ такого содержанія за полгода впередъ; кромѣ того, отпущено всѣмъ чинамъ на подъемъ полугодовое заграничное и обыкновенное содержаніе и на экстренные расходы и подарки агенту 600 червонцевъ (11). Ковалевскій былъ снабженъ рекомендательнымъ письмомъ къ Ишанъ-Рейсу и объ отправленіи его сообщено особой нотой Балта-Кули-Беку (12).

Со стороны горнаго начальства на Ковалевскаго было возложено собраніе свѣдѣній о геогностическомъ строеніи почвы Бухаріи, горномъ ея богатствѣ, драгоценныхъ металлахъ, торгѣ ими, объ обработкѣ хоросанской стали и проч., а отъ Департамента Мануфактуръ и Внутренней Торговли—свѣдѣній вообще объ азіатской торговлѣ (13). Отъ Министерства же Иностранныхъ Дѣлъ офицеру этому была дана особая инструкція, въ которой между прочимъ предлагалось: исклѣпотать уменьшеніе пошлинъ, взимаемыхъ съ русскихъ торговцевъ; узнать мнѣніе бухарскаго правительства относительно учрежденія въ Бухарѣ постоянного русскаго консульства; собрать свѣдѣнія о количествѣ, качествѣ и цѣнности англійскихъ товаровъ и о той конкуренціи, которую представляютъ они нашимъ произведеніямъ; исклѣпотать свободу русскимъ плѣннымъ; сообразить на мѣстѣ возможность распространенія торговыхъ нашихъ сношеній черезъ Бухару съ Афганистаномъ и другими владѣніями на лѣвомъ берегу Аму; наконецъ, собрать свѣдѣнія статистическія и топо-

графическія о Бухарѣ и сопредѣльных къ ней съ юга земляхъ, и проч. ⁽¹⁴⁾

Ковалевскій выступилъ изъ Оренбурга съ бухарскимъ посломъ и, слѣдуя черезъ урочище Бишъ-Тамакъ, Эмбу, Мугоджарскія горы, достигъ, въ половинѣ ноября, песковъ Большіе Барсуки. Почти при самомъ началѣ похода, экспедиція встрѣтила много непріятностей отъ неблагонамѣренныхъ киргизскихъ шаекъ, недовольныхъ совершавшимся въ то время по степи движеніемъ отряда генерала Перовскаго. Непріятности эти еще болѣе увеличились, когда караванъ повстрѣчался съ хивинскимъ чиновникомъ, посланнымъ ханомъ для возбужденія Киргизовъ противу Русскихъ. Къ разнаго рода оскорбленіямъ присоединились и угрозы. Чиновникъ требовалъ, чтобы караванъ шелъ за Сыръ черезъ Хивинскую крѣпость, объявилъ русскихъ офицеровъ своими плѣнными, и по его же наущенію къ кибиткамъ ихъ на время ночлеговъ приставлялся караулъ. Эти обстоятельства заставили Ковалевскаго отдѣлиться тайно отъ каравана и искать спасенія въ ближайшемъ изъ русскихъ укрѣпленій. Въ ночь съ 21 на 22 ноября, въ страшный буранъ, чины экспедиціи, бросивъ всѣ вещи, въ томъ, въ чемъ были, съ однимъ преданнымъ Киргизомъ, на заводныхъ лошадяхъ, кинулись къ Чушкакульскому укрѣпленію, куда и прибыли 24 ноября, слѣлавъ, такимъ образомъ, въ двое съ половиной сутокъ 300 верстъ. Переездъ изумительный и не для Европейцевъ, если принять въ расчетъ буранъ, морозъ въ степи въ 16° и остановку экспедиціи на пути къ укрѣпленію барантовщиками ⁽¹⁵⁾.

Брошенные Ковалевскимъ вещи дошли до Бухары въ совершенной дѣлости и хранились тамъ до прибытія новой нашей миссіи, которой сданы по описи; чины же экспедиціи воротились на линію съ войсками Перовскаго въ началѣ марта. Такъ кончилось неудачно это предпріятіе, стоившее казнѣ, кромѣ прогонныхъ денегъ, около 2,700 червонцевъ ⁽¹⁶⁾, и посылка горныхъ чиновъ въ Бухару была отложена до болѣе благопріятнаго времени.

Несмотря на это, спекуляція посольствами не прекратилась. Эмиръ и его министры были не такіе люди, чтобы отказаться отъ богатой и легкой поживы. да кромѣ того ихъ вынуждали въ это время къ сношеніямъ съ Россією и другія обстоятельства. Вотъ почему, 3 августа 1840 года, въ Оренбургъ снова явился посланецъ эмира *Кулли-Бій Мулла Мукинбекъ Мухха-*

медъ-Сеидовъ, со свитою изъ 39 человекъ и съ неизмѣнными аргамаками для Высочайшаго двора.

Правительство наше очень хорошо понимало спекулятивныя наклонности эмира и его министровъ, и, можетъ быть, почтенному Мукинбеку на этотъ разъ не привелось бы видѣть Петербурга, если бы тогдашнія политическія событія въ Азіи не вызывали и съ нашей стороны болѣе близкихъ сношеній съ Бухарою ⁽¹⁷⁾. Дѣйствительно, въ то время разыгрывалась Англичанами извѣстная комедія въ Афганистанѣ, кончившаяся для нихъ такой неожиданной драмой.

Въ странное положеніе ставили тогда Россію и Англію дѣйствія Англичанъ въ Азіи. Съ одной стороны преувеличенные слухи разнесли по Европѣ вѣсть объ огромныхъ приготовленіяхъ Россіи къ войнѣ въ Туранѣ и движенія войскъ ея въ Хиву съ самыми обширными цѣлями; съ другой Англія, прикрывая свои истинныя намѣренія правами ничтожной и порочной личности шаха Шулджи Уль-Мулька, лѣтомъ 1839 года побѣдоносно провела 18,000-ю армію черезъ Гайдерабадъ и Кандагаръ до Кабула и тѣмъ, какъ бы предупреждая движеніе Русскихъ въ Афганистанъ, стала оплотомъ у воротъ Индіи.

Будущему историку экспедиціи Перовскаго въ Хиву (*), конечно, будетъ предстоять разъяснить чрезвычайно интересныя сношенія того времени этихъ державъ; мы же здѣсь скажемъ только, что во время посольства Мукинбека династія Баракси уже пала и самый даровитый ея представитель, Достъ-Магометъ, ханъ Кабульскій, скитался изгнанникомъ въ бухарскихъ владѣніяхъ. Передовыя войска Англичанъ появились въ Бгаміанѣ и Сиганѣ, и не было недостатка въ слухахъ и поводахъ о движеніи ихъ къ Аму-Дарьѣ и далѣе къ Самарканду.

«Всѣ члены англійскаго правительства — пишетъ одинъ изъ историковъ похода Англичанъ въ Кабулъ — во время лорда Аукленда особенно боялись Русскихъ; каждый день ожидали похода русскаго войска на Индостанъ — опасенія, которыя дошли до смѣшной робости при вѣсти объ экспедиціи въ Хиву. Разъ даже Борнсъ получилъ отъ своихъ тамошнихъ агентовъ извѣстіе, что Русскіе завоевали Хиву и ускореннымъ маршемъ идутъ на Бухару; въ другой разъ прошелъ слухъ, что повелитель бухар-

(*) Въ самомъ непродолжительномъ времени въ «Военномъ Сборникѣ» будетъ помѣщено весьма интересное и подробное описаніе «Похода въ Хиву въ 1839 г.», составленное по подлиннымъ документамъ въ Оренбургѣ. *Ред*

скихъ правовѣрныхъ заключилъ съ Императоромъ русскимъ наступательный и оборонительный союзъ и что они оба вмѣстѣ идутъ на Балхъ.» (*)

Всѣ эти обстоятельства и страхи послужили къ тому, что, независимо отъ кабульской экспедиціи, Англичане употребили и другія усилія на противодѣйствіе предполагаемымъ замысламъ Россіи, и съ этой цѣлью дипломатическіе агенты ихъ явились въ Туранѣ. Капитаны Абботъ и Шекспиръ пробрались въ Хиву, чтобы такъ неудачно разыграть роль посредниковъ въ ссорѣ этого владѣнія съ Россіею; предприимчивый Конолли проникъ въ Коканъ, а Бухара, благодаря лорду Пальмерстону, увидѣла въ стѣнахъ своихъ полковника Чарльза Стодарта, позже заключеннаго въ тюрьму, вслѣдъ за которымъ ожидали прибытія английскихъ войскъ.

Въ такомъ положеніи поневолѣ приходилось эмиру серьезно подумать о своей будущности и снарядить посольство въ Россію не съ одной корыстною цѣлью. Поэтому агентъ былъ выбранъ изъ значительныхъ лицъ Бухары и свита его составлена особенно парадно: кромѣ двухъ сыновей посла, разныхъ дипломатическихъ чиновниковъ и прислужниковъ, въ ней находились три пажы, скороходъ и четыре музыканта. Мукинбекъ представилъ отъ эмира къ Государю письмо, шесть шалей и двухъ аргамаковъ, по шали вице-канцлеру, директору Азіатскаго Департамента и предсѣдателю оренбургской пограничной комиссіи и лошадь оренбургскому военному губернатору (18).

Видимая цѣль посольства состояла въ жалобѣ на коварныя дѣйствія Хивы и въ просьбахъ о покровительствѣ бухарскимъ купцамъ и дозволеніи тамошнимъ богомольцамъ проходить въ Мекку черезъ Россію.

Посолъ прибылъ въ Петербургъ 18 октября со свитою изъ семи бухарцевъ; но какъ во время дороги и въ столицѣ онъ очень тосковалъ объ оставленныхъ въ Оренбургѣ музыкантахъ, увѣряя, что самъ эмиръ желалъ, чтобы они побывали въ Петербургѣ, то къ Мукинбеку были доставлены на почтовыхъ еще двое его артистовъ.

4 февраля посолъ пустился въ обратный путь, но не достигъ Оренбурга (19). Преклонныя лѣта, утомительная дорога и, вѣроятно, невоздержность въ жизни, все это сильно подѣйство-

(*) «Афганистанъ и Англичане въ 1841—42 годахъ», соч. К. Неймана. Изданіе Голубкова. Стр. 103.

вало на его здоровье, и онъ выѣхалъ изъ Петербурга уже полубольной; отъ лекарствъ Мукинбекъ постоянно отказывался и только изъ Москвы рѣшился взять съ собой медика и принять нѣкоторыя пособія. По пріѣздѣ въ Нижній, посолъ совершенно ослабѣлъ и 27 февраля, несмотря на всѣ усилія врачей, умеръ, отъ водяной въ груди. Сыновья его получили разрѣшеніе вывезти тѣло въ Бухару съ принятіемъ на счетъ казны издержекъ на бальзамированіе онаго и доставку въ Оренбургъ (20). Оставшееся у посла имущества было описано и впослѣдствіи доставлено въ Бухару миссіей маіора Бутенева. Расходы на Мукинбека и его свиту, кромѣ содержанія въ Петербургѣ, проѣзда отсюда и подарковъ, простирались до 6,300 р. сер. (21).

Врученныя послу въ Петербургѣ и отправленныя съ Бутеневымъ грамота Государя и нота вице-канцлера заключаютъ въ себѣ только одни выраженія вѣжливости, и было бы очень трудно опредѣлить истинную цѣль пріѣзда Мукинбека, если бы ее отчасти не разъясняли записки самого посла о возложенномъ на него порученіи, поданныя имъ генералу Генсу и графу Нессельроде (22). Не считая себя вправѣ подробно разбирать эти документы, скажемъ только, что правительство на этотъ разъ нашло необходимымъ снарядить свое посольство въ Бухару, составивъ оно, согласно прежней просьбы эмира, изъ горныхъ чиновъ и возложивъ на начальника его, маіора Бутенева, независимо отъ горныхъ изслѣдованій, и особое дипломатическое порученіе.

Рѣшеніе объ отправленіи агентовъ въ Хиву и Бухару послѣдовало одновременно, во время пребыванія въ Петербургѣ Мукинбека, и на издержки по этому предмету ассигновано изъ государственнаго казначейства 10,290 червонцевъ (23). Передъ отправленіемъ, Бутеневъ, кромѣ словесныхъ объясненій и знакомства съ перепиской, производившейся по средне-азіатскимъ дѣламъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, былъ снабженъ тремя инструкціями: отъ горнаго вѣдомства, отъ Департамента Мануфактуръ и дипломатическою.

Первыя двѣ, въ главныхъ чертахъ, были сходны съ инструкціями, данными Ковалевскому, и разнились отъ нихъ только нѣкоторыми подробностями. Горное начальство съ большою внимательностію и любовію собирало миссію въ путь и, кромѣ сп. цѣльныхъ обязанностей, возложило на агента особую заботу о нижнихъ чинахъ горнаго вѣдомства. «Относительно же нижнихъ чиновъ горныхъ — сказано въ инструкціи — то поручается

вамъ наблюсти, чтобы они одѣты были прилично и единообразно, напримѣръ: въ зеленыхъ полукафтанахъ съ свѣтло-синиею выпушкою и буде по мѣстнымъ обстоятельствамъ нужно то и съ саблею (24).» Инструкція Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отличалась особой подробностію. Упомянувъ о посылкѣ Ковалевскаго, о порядкѣ отправленія настоящей миссіи и о томъ, что агентъ посылается въ Бухару въ исполненіе ходатайства хана о присылкѣ къ нему чиновника для изслѣдованій по горной части, инструкція продолжаетъ: «Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на васъ возлагаются и порученія двоякаго рода: 1) собраніе положительныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о ханствѣ Бухарскомъ и о прилегающихъ къ оному земляхъ; 2) постановленіе съ бухарскимъ владѣльцемъ нѣкоторыхъ условій взаимныхъ отношеній его съ Россіею....» Чтобы придать болѣе силы переговорамъ Бутенева съ Нассыр-Уллою, признано было удобнѣйшимъ дать агенту значеніе посланца, снабженнаго надлежащимъ уполномочіемъ отъ російскаго правительства; что касается до горныхъ развѣдокъ, то таковыя возлагались на младшаго офицера, самъ же Бутеневъ долженъ былъ только распоряжаться ими, дѣлая для этого разныя поѣздки внутри Бухары. Предлагая далѣе собрать о Бухарѣ, о вліяніи на нее послѣднихъ событій въ Афганистанѣ, а также и сопредѣльныхъ къ этому владѣнію земляхъ всевозможныя свѣдѣнія, инструкція говоритъ: «Приобрѣтеніе всѣхъ сихъ свѣдѣній доставить вамъ возможность представить соображенія о мѣрахъ, какія, по мнѣнію вашему, могутъ быть самыми дѣйствительными для упроченія въ этой части Азіи политическаго вліянія Россіи и для развитія тамъ торговли нашей, составляющей одну изъ главныхъ цѣлей попечительной заботливости нашего правительства.»

Затѣмъ инструкція начертываетъ самую обширную программу для сбора свѣдѣній о торговлѣ съ Бухарою, какъ непосредственной, такъ и транзитной. Говоря, что Россія всегда находилась въ дружескихъ отношеніяхъ къ Бухарѣ и покровительствовала ей купцамъ, но что Бухарцы очень часто, въ замѣнъ этого, отплачиваютъ намъ неблагодарностію, стѣсняя нашихъ купцовъ, дурно принимая посланцевъ, и проч., инструкція предлагаетъ: «разъяснить хану истинныя его выгоды, проистекающія отъ дружественныхъ сношеній съ Россіею, и внушить ему довѣріе къ правотѣ намѣреній нашего правительства». Для убѣжденія въ послѣднемъ, агентъ долженъ былъ указать хану на

безкорыстную политику Россіи въ отношеніи другихъ магометанскихъ державъ, а именно на содѣйствіе ея Турціи и Персіи—первой противу мятежнаго египетскаго паши, а второй по возведенію на престолъ Магометъ-Шаха, и, кромѣ того, на великодушное забвеніе проступковъ хивинскаго хана Алла-Кула по исполненіи имъ главнѣйшихъ нашихъ требованій.

«Всѣ сіи и подобныя внушенія—сказано въ инструкціи—сдѣланныя вами хану бухарскому съ надлежащимъ благоразуміемъ и въ видѣ собственныхъ вашихъ разсужденій, поведутъ несомнѣнно къ убѣжденію его въ пользѣ заступленія Россійской державы, а также и въ добросовѣстности нашей политики.»

Переходя затѣмъ къ переговорамъ, инструкція предлагаетъ склонить хана на принятіе слѣдующихъ условій:

1) Ни явно, ни тайно не враждовать противъ Россіи и ея подданныхъ.

2) Не держать въ неволѣ и не приобретать никакимъ образомъ плѣнныхъ Русскихъ и отвѣтствовать за личную безопасность и сохранность имущества всякаго російскаго подданнаго, могущаго находиться въ бухарскомъ владѣніи.

3) Въ случаѣ смерти російскаго подданнаго въ бухарскихъ владѣніяхъ, не отбирать въ казну оставшагося послѣ него имущества, а отпускать оное въ цѣлости російскому пограничному начальству, для передачи его наследникамъ.

4) Не позволять бухарскимъ подданнымъ производить грабежи и самовольные съ Русскихъ поборы и, въ случаѣ таковыхъ грабежей и поборовъ, предавать виновныхъ немедленному наказанію.

5) Съ привозимыхъ въ Бухарию російскими купцами товаровъ взимать пошлину одинъ только разъ и не болѣе 5 проц. съ настоящей цѣны оныхъ.

6) Не дѣлать вообще никакихъ притѣсненій російскимъ торговцамъ въ бухарскихъ владѣніяхъ, а, напротивъ того, оказывать имъ то же покровительство, какимъ пользуются въ Россійской имперіи бухарскіе купцы.

Въ замѣнъ этихъ обязательствъ, агентъ уполномочивался обѣщать отъ имени нашего правительства:

1) Обезпеченіе безопасности лицъ и имущества бухарскихъ подданныхъ, могущихъ находиться въ предѣлахъ имперіи.

2) Предоставленіе имъ всѣхъ преимуществъ, наравнѣ съ торговцами другихъ азіатскихъ владѣній.

3) Взысканіе съ подданныхъ Россіи Киргизовъ и Туркменовъ, въ случаѣ грабежа ими бухарскихъ каравановъ.

4) Дозволеніе бухарскимъ богомольцамъ, желающимъ идти въ Мекку на поклоненіе, слѣдовать, по прежнему, чрезъ російскія владѣнія, съ тѣмъ, чтобы они подчинялись установленнымъ въ Россіи полицейскимъ распоряженіямъ.

Относительно обезпеченія лицъ и собственности російскихъ подданныхъ въ Бухаріи министерство не ожидало, чтобы Бутеневъ встрѣтилъ сопротивленіе; что же касается до уменьшенія пошлинъ, то въ возможности соглашенія по этому предмету и сама инструкція не увѣрена, хотя и указываетъ агенту для убѣжденія эмира сослаться на примѣръ Персіи и Турціи, гдѣ взимается съ нашихъ товаровъ опредѣленная договорами пошлина.

Вообще же инструкція предлагаетъ: «вести переговоры съ достоинствомъ, съ приличною твердостью и съ благоразуміемъ».

При согласіи хана на предложенныя условія, предписывалось убѣдить его выдать актъ по особо составленной формѣ, за собственной печатью или за печатями главнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ Бухары ⁽²⁵⁾, съ тѣмъ, чтобы агентъ оставилъ съ этого акта хану точную копію, сдѣлавъ на ней надпись тѣхъ условій, на которыя ему разрѣшено было согласиться отъ имени правительства.

При отказѣ хана въ выдачѣ такого документа, разрѣшалось удовольствоваться помѣщеніемъ постановленныхъ условій въ письмѣ его къ Государю, при обратномъ отправленіи агента въ Россію. «Но вы не оставите тогда—говорила инструкція—предупредить Нассыр-Уллу, что точное соблюденіе сихъ условій и безопасность російскихъ подданныхъ въ Бухаріи будутъ обезпечены лицами и собственностью Бухарцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію.»

Наконецъ Бутеневъ обязывался еще исплотать у хана разрѣшеніе сначала хотя на временной пріѣздъ въ Бухару русскаго чиновника, съ тѣмъ, чтобы впоследствии, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, замѣнить такового постояннымъ агентомъ, и употребить старанія на выручку могущихъ находиться въ неволѣ у Бухарцевъ російскихъ подданныхъ.

При выгодныхъ условіяхъ, миссіи назначалось пребыть въ Бухарѣ около года и вернуться съ караваномъ будущей весною; въ случаѣ же дурнаго пріема, агентъ долженъ былъ до крайности превозмочь затрудненія и, при безнадежности на болѣе

благопріятную перемѣну, возвратиться безъ всякихъ переговоровъ въ Россію ⁽²⁶⁾.

Изъ вышеизложеннаго видно, какъ были сложны возложенныя на Бутенева порученія; притомъ, они касались такихъ щекотливыхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, пошлинъ, плѣнныхъ, рѣшеніе которыхъ, при извѣстныхъ закоренѣлыхъ обычаяхъ Азіатцевъ, съ перваго же разу казалось недостижимымъ и могло быть вынуждено развѣ крайностію какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыя была бы поставлена Бухара.

Посланныя съ Бутеневымъ Высочайшая грамота на имя хана и письма отъ графа Нессельроде и директора Азіатскаго Департамента къ визирю, кромѣ втораго, выражали только обыкновенныя привѣтствія, говорили о полномочіяхъ агента и подаркахъ. Письмо же вице-канцлера, служа отчасти повтореніемъ грамоты, сверхъ того излагало: «Опыты многихъ лѣтъ могли достаточно убѣдить васъ какъ въ пользѣ союза съ Россією, такъ и въ правотѣ намѣреній російскаго правительства, а потому и нынѣ ваша прозорливость и мудрость покажутъ вамъ въ ясномъ свѣтѣ благую цѣль и справедливость нашихъ предложеній».

«Мы надѣемся, что господинъ Бутеневъ получитъ у васъ благосклонный пріемъ, подобный тому, какимъ пользуются пріѣзжающіе сюда посланники бухарскіе, и такимъ же образомъ будетъ отпущенъ обратно, когда пожелаетъ сюда возвратиться.» И потомъ далѣе: «Дошло до нашего свѣдѣнія, что высокоупеченный эмиръ намѣренъ былъ, съ прибывшимъ сюда посланникомъ, отправить находящагося у васъ Англичанина Стоддарта, но удержался, единственно изъ опасенія нападенія со стороны Хивинцевъ. По существующему между державами Россійскою и Британскою взаимному согласію, означенное намѣреніе было для насъ весьма пріятно. И какъ нынѣ прежнее затрудненіе не можетъ болѣе сему препятствовать, то мы остаемся въ надеждѣ, что воля эмира будетъ приведена въ исполненіе. Удобнѣйшій способъ доставить сюда помянутаго Англичанина былъ бы отправить его съ караваномъ въ Оренбургъ, гдѣ доблестный господинъ военный губернаторъ сдѣлаетъ уже зависящія отъ него дальнѣйшія распоряженія».

Насчетъ послѣдняго обстоятельства надо замѣтить, что Великобританское правительство нѣсколько разъ ужъ просило содѣйствія Россіи къ освобожденію несчастнаго Стоддарта. Получивъ незадолго до отправленія нашей миссіи въ Бухару

извѣстіе, что Стодартъ не захотѣлъ самъ воспользоваться предстоящею ему возможностью ѣхать въ Россію, по той единственно причинѣ, что освобожденіе его было бы слѣдствіемъ заступленія чуждаго ему правительства, лордъ Пальмерстонъ снова обратился къ нашему посланнику въ Лондонѣ съ ходатайствомъ о возобновленіи домогательствъ Россіи въ пользу англійскаго агента.

Изъ записки Мукинбека видно, какъ старалась Хива выручить Стодарта. Съ своей стороны наше правительство, по дружественнымъ отношеніямъ къ Англіи и по другимъ причинамъ, еще менѣе могло оставаться равнодушнымъ къ судьбѣ заключеннаго, и приведенная выписка изъ письма вице-канцлера служить уже доказательствомъ того живаго участія, которое принимала Россія въ злополучномъ Британцѣ; но, кромѣ того, министерство поручило и самому Бутеневу настоятельно требовать освобожденія Стодарта и отправленія его въ Россію съ однимъ изъ первыхъ каравановъ. Препровождая для доставленія въ Бухару, черезъ Бутенева, письма маркиза Кленрикарда къ Стодарту, вице-канцлеръ сообщалъ Перовскому: «Основываясь на объясненіяхъ бывшаго здѣсь бухарскаго посланника, мы имѣемъ причину надѣяться, что Нассыр-Улла не будетъ противиться высылкѣ Стодарта въ Россію, а письмо лорда Кленрикарда, вѣроятно, убѣдитъ его не предаваться неумѣстному самолюбію и воспользоваться представляющимся случаемъ къ освобожденію. А потому мнѣ остается покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, въ случаѣ пріѣзда Стодарта на Оренбургскую линію, учинить зависящее отъ васъ распоряженіе о благосклонномъ его пріемѣ и доставить ему средства слѣдовать безостановочно въ Петербургъ» (27).

Кромѣ писемъ и приведенныхъ инструкцій, Бутеневъ былъ снабженъ еще особымъ предписаніемъ отъ оренбургскаго военнаго губернатора, въ которомъ Перовскій опредѣлялъ составъ, содержаніе, снаряженіе и путь миссіи, а равно дополнялъ и изъяснилъ нѣкоторые изъ условій переговоровъ, изложенныхъ въ инструкціи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ составъ миссіи были назначены: горный инженеръ штабсъ-капитанъ Богословскій, натуралистъ—кандидатъ Дерптскаго университета Леманъ, состоящій при оренбургскомъ губернаторѣ чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ титулярный совѣтникъ Ханыковъ, переводчикъ—коллежскій регистраторъ Костро-

митиновъ, топографъ Яковлевъ, штейгеръ, два горныхъ мастеровыхъ, два чучельника, десять уральскихъ казаковъ, астраханскій мѣщанинъ Цивелевъ и пять Киргизовъ; при миссіи же должны были отправиться дѣти и свита покойнаго Мукинбека (28).

За исключеніемъ Ханыкова и Лемана, изъ которыхъ первому выдано 213 червонцевъ, а послѣднему 800 р. сер., всѣ прочіе чины миссіи получили на подъемъ полугодовое заграничное содержаніе, и за предѣлами имперіи имъ вѣльно производить сверхъ внутреннаго оклада: агенту по 50, Ханыкову по 40, натуралисту по 32, горному офицеру и переводчику по 30 червонцевъ въ мѣсяцъ; всего же, считая здѣсь годовое содержаніе всѣхъ чиновъ заграницею, ихъ продовольствіе, наемъ верблюдовъ на обратный путь и экстраординарные расходы, были выданы Бутеневу на руки 4,936 червонцевъ (29).

Деньги, для большей предосторожности, предписывалось зашить въ чехлы шапекъ или кожаные пояса, чтобы легче скрыть ихъ отъ Бухарцевъ, при осмотрѣ व्यюковъ. Подъ свозъ тяжестей опредѣлено 55 верблюдовъ и въ миссію отпущены кибитки, лагерьныя и хозяйственныя принадлежности. Подарки, врученные Бутеневу, предназначались отъ Высочайшаго имени хану бухарскому и отъ министра иностранныхъ дѣлъ, директора Азіятскаго Департамента и военнаго губернатора кушъ-бегію; кромѣ того, даны были разныя вещи въ непосредственное распоряженіе самаго агента (30).

Въ прикрытіе миссіи до рѣки Сыра назначался особый рекогносцировочный отрядъ, подъ начальствомъ подполковника Бламбергъ, изъ четырехъ сотенъ уральскихъ казаковъ и сотни пѣхоты. На снаряженіе этого отряда было особо ассигновано 17,000 р. сер. (31).

Обращаясь затѣмъ къ политическимъ порученіямъ миссіи и повторяя вкратцѣ вопросы, указанные инструкціей Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, Перовскій предлагаетъ настаивать до крайности на взиманіи не болѣе 2½ проц. пошлины съ дѣйствительной цѣны товаровъ, ввозимыхъ русскими купцами, при разговорахъ же о ежегодуемъ пріѣздѣ въ Бухару нашего чиновника совѣтуетъ дѣйствовать на гордость и тщеславіе эмира, указавъ ему, что при всѣхъ независимыхъ владѣльцахъ находятся такія лица.

Относительно Стодарта, на основаніи полученныхъ извѣстій объ умерщвленіи англійскаго агента въ Бухарѣ, Перовскій

предлагаетъ Бутеневу, при справедливости такого слуха, внушить эмиру, чтобы онъ немедленно извѣстилъ объ этомъ происшествіи Государя или, черезъ кушъ-беги, вице-канцлера особымъ письмомъ извѣстнаго содержания ⁽⁸²⁾.

Собраніе свѣдѣній о Коканѣ и Бухарѣ по особо данной программѣ и описаніе Бухарскаго ханства въ политическомъ и промышленномъ отношеніяхъ предписывалось непосредственно возложить на г. Ханыкова.

Выборъ времени и направленія для обратнаго слѣдованія предоставлялся усмотрѣнію агента ⁽⁸³⁾.

Миссія выступила изъ Оренбурга въ маѣ мѣсяцѣ и, подъ прикрытіемъ отряда Бларамберга, слѣдовала чрезъ урочище Бишъ-Тамакъ и Мугоджары къ переправѣ черезъ Сыръ, при урочищѣ Майлибашъ, куда прибыла 6 іюля. 10 числа, отдѣлясь отъ рекогносцировочнаго отряда, она совершила переправу на лодкѣ, присланной изъ хивинской крѣпости, построенной на мѣстѣ бывшаго Джанкета, а 14-го достигла р. Кувана, откуда Бутеневъ отправилъ письмо къ кушъ-бегию, съ извѣстіемъ о своемъ приближеніи ⁽⁸⁴⁾.

Теперь, оставляя миссію двигаться по безлюднымъ Кизылъ-Кумамъ, познакомясь предварительно съ эмиромъ и его главными сановниками.

Эмиръ Нассыръ-Улла-Богадуръ-ханъ принадлежалъ къ тѣмъ личностямъ, въ которыхъ, при замѣчательномъ гибкомъ умѣ, соединялись всѣ качества, свойственныя азіатскому правителю. Онъ былъ мстителенъ, сладострастенъ и гордъ; но гдѣ было нужно, гдѣ заставляла его сила обстоятельствъ, тамъ Нассыръ-Улла ловко умѣлъ приноровиться къ обстоятельствамъ и смиренной ролью ввести въ обманъ даже опытныхъ европейскихъ дипломатовъ.

Обращеніе его съ бывшимъ кушъ-беги Хакимъ-Баемъ и потомъ со Стоддартомъ, напоминающее игру кошки съ мышью, постоянная лесть передъ русскимъ правительствомъ и послѣдующій пріемъ миссіи Бутенева, мирные договоры, заключаемые съ коканскимъ ханомъ, и, въ то же время, поддержка претендентовъ на это владѣніе очень хорошо обрисовываютъ систему домашней и внѣшней политики эмира, сѣмѣвшаго 34 года продержатъ Бухару въ ежовыхъ рукавицахъ. Не излагая полной біографіи Нассыръ-Уллы, интересныя подробности о жизни котораго имѣются во многихъ сочиненіяхъ, мы считаемъ, однакожъ, необходимымъ привести нѣкоторые замѣтки современниковъ Бу-

тенева объ эмирѣ, дабы видѣть, какъ понимали эту личность въ 30 и 40-хъ годахъ ⁽⁸⁵⁾.

Вотъ что писалъ нашъ путешественникъ Виткевичъ, бывшій въ Бухарѣ въ 1835 году: «Ханъ пынѣшній, батырь-ханъ, котораго зовутъ всегда просто эмиромъ, государемъ, всю правительственную власть сложилъ на кушъ-беги. Кушъ-беги Хакимъ-Бай, косой старикъ, человѣкъ пронырливый, крайне корыстный и въ самомъ дѣлѣ богатъ: богаче всѣхъ Бухарцевъ и самого хана. Ни одного дѣла не допускаетъ онъ до хана и дѣлаетъ совершенно что хочетъ; ханъ уже не въ силахъ ему противостать».... и далѣе: «онъ (ханъ) самоуправенъ: гдѣ кушъ-беги не устранить его пронырствомъ своимъ, жестокъ и дѣлаетъ неслыханныя насилія. Мальчиковъ и дѣвочекъ уводятъ отъ отцовъ и матерей для скотской похоти эмира; нерѣдко онъ наказываетъ тѣлесно лично при себѣ, если кто заслужитъ немилость его».

Въ показаніяхъ другаго современника, человѣка, проведеннаго почти всю жизнь за сборомъ различныхъ свѣдѣній о Средней Азіи и имѣвшаго въ Туранѣ большое знакомство между купцами, Г. О. Генса, находимъ объ эмирѣ слѣдующее: «Бухарцы не довольны эмиромъ своимъ и управленіемъ его. Визиря въ Бухаріи нѣтъ, дѣла дѣлаются кѣмъ нибудь и какъ нибудь; пошлины и подати собираются двумя изъ мальчиковъ, которыхъ эмиръ держитъ при себѣ болѣе сотни, набирая непрерывно новыхъ и отсылая старыхъ».

Далѣе: «Эмиръ самъ о дѣлахъ не думаетъ, преданъ совершенно сладострастію и занимается только женщинами и мальчиками.... Въ случаѣ войны, никто не захочетъ защищать права его, и Бухарію съ небольшимъ отрядомъ войска можно занять безъ труда....

«Всѣ поступки эмира Нассыръ-Уллы таковы, что его надобно почитать за безумнаго.» ⁽⁸⁶⁾

Эта характеристика была сдѣлана лѣтомъ 1840 года, незадолго до отправленія миссіи въ Бухару, и если Генсъ, человѣкъ, столь близко стоявшій къ Азіатцамъ и слѣдившій за ними день за день, несмотря на обширныя свѣдѣнія, такъ смотрѣлъ на эмира, то какое же понятіе о немъ должны были составить другія правительственныя наши лица, жившія вдали отъ Бухары и не имѣвшія съ ней тѣхъ непрерывныхъ сношеній, какія велъ предсѣдатель оренбургской пограничной комиссіи. Подъ какимъ впечатлѣніемъ собиралась миссія въ Бухару, не

смотрѣлъ ли ся начальникъ на эмира исключительно какъ на деспота, жестокости и самоуправства котораго слѣдовало каждую минуту опасаться, или надѣялся, пользуясь тогдашними обстоятельствами, согласить его на всѣ наши требованія, отвѣчать трудно, и разъяснить заданный нами вопросъ можетъ только излагаемый ниже ходъ переговоровъ и ихъ результаты. Съ своей же стороны, предупреждая событія, можемъ сказать утвердительно лишь то, что этотъ самый сластолюбецъ Нассыр-Улла, послѣ характеристики, сдѣланной Генсомъ, управлялъ еще двадцать лѣтъ Бухарою, завелъ регулярныя войска, организовалъ артиллерію, громилъ ежегодно Коканъ и Шяхри-сѣбзъ и держалъ въ страхѣ Хиву.

Мы имѣли случай видѣть эмира въ 1858 году, и, судя по тому любезному приему, который онъ сдѣлалъ послѣдней нашей миссіи, по его умѣнью вести ловко переговоры и по тому авторитету, которымъ пользовался онъ не только въ Бухарѣ, но и въ сосѣднихъ владѣніяхъ Турана, едва ли бы кто призналъ въ бодромъ шестидесятилѣтнемъ старикѣ безумнаго и неспособнаго Нассыр-Улла 40-хъ годовъ.

Во время прибытія Бутенева, главнаго изъ бухарскихъ сановниковъ, Ишанъ-Рейса, преемника власти кушъ-беги Хакимъ-Бая, уже не было на свѣтѣ. Несмотря на то, что Ишанъ завѣдывалъ только полицейскою частію, чиновникъ этотъ, по близкимъ отношеніямъ къ эмиру, по особенному расположенію къ Русскимъ, былъ однимъ изъ тѣхъ лицъ, на которое болѣе всего могла бы рассчитывать миссія для успѣха своего дѣла. Сами Бухарцы оплакивали смерть Ишана, говоря, что въ немъ Бухара лишилась единственнаго человѣка, по уму своему способнаго постигать важность дѣлъ государственныхъ и заниматься ими съ пользою и успѣхомъ.

Такимъ образомъ, за смертью Ишана, миссіи приводилось вести переговоры съ новымъ визиремъ эмира, Абдулъ-Халикомъ, девятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, питомцемъ мужскаго гарема Нассыр-Уллы. Правда, оставалось еще одно лицо, которое обращало на себя вниманіе: это бѣглецъ изъ Персіи, наибъ Абдулъ-Самедъ, формировавшій регулярныя войска въ Бухарѣ; по этотъ тройной преступникъ, приговоренный къ висѣлицѣ въ Персіи и Индіи и поплатившійся ушами за новое злодѣйство въ Кабулѣ, мало допускался въ дѣла политическія и, притомъ, находился въ хорошихъ отношеніяхъ со Стодартонъ.

3 августа, миссія, пройдя благополучно Кизыль-Кумы, прибыла къ колодцамъ Карагата, гдѣ и была встрѣчена высланнымъ изъ Бухары чиновникомъ мирзою Фузайломъ. Верстъ за пятнадцать отъ города привѣтствовалъ ее другой чиновникъ, а близъ самой Бухары къ Бутеневу выѣхалъ одинъ изъ высшихъ мѣстныхъ сановниковъ, начальникъ Калмыковъ, который пригласилъ миссію, отъ имени эмира, явиться немедленно во дворецъ. Изготовясь къ аудіенціи въ одномъ изъ частныхъ домовъ, расположенныхъ по дорогѣ, миссія вступила 5 августа въ Бухару, среди огромной толпы народа. Здѣсь явился новый посланецъ, съ объясненіемъ, что, въ доказательство искренней радости по случаю прибытія далекихъ гостей, эмиръ дозволяетъ имъ въѣхать верхомъ во дворецъ, преимущество, какъ пишетъ Перовскій, которымъ пользуется въ Бухарѣ одинъ только главный визирь.

Поступивъ согласно разрѣшенія его высокостепенства, агентъ былъ введенъ потомъ, черезъ рядъ бухарскихъ чиновниковъ, въ большую залу, гдѣ, на подушкахъ, въ бѣлой чалмѣ и бѣломъ халатѣ, сидѣлъ эмиръ. Привѣтствовалъ вошедшихъ поклономъ, онъ долго и внимательно осматривалъ ихъ, послѣ чего приказалъ главному визирю принять изъ рукъ Бутенева Высочайшія грамоты и затѣмъ, по прочтеніи краткой молитвы, отпустилъ миссію. Приемная аудіенція кончилась въ четыре часа.

Для миссіи былъ отведенъ лучший домъ въ Бухарѣ, прежній дворецъ брата ханскаго, Миръ-Хуссейна, и агенту объявлено, что онъ можетъ располагать помѣщеніемъ по своему усмотрѣнію и требовать все, что пожелаетъ; для прислуги назначено множество людей, подъ начальствомъ мирзы Загерія, и на содержаніе миссіи опредѣлено отпускать ежедневно 104 тьяги.

5-го же августа, вечеромъ, присланъ былъ отъ эмира караулъ-беги для приѣма Высочайшихъ подарковъ, а на слѣдующій день титулярный совѣтникъ Ханыковъ отвезъ вещи и письма, адресованныя визирю.

9 августа агентъ имѣлъ свиданіе съ Абдулъ-Халикомъ въ ханскомъ саду и получилъ отъ визира подарки для себя и миссіи. Затѣмъ эмиръ пригласилъ Бутенева являться ежедневно по пятницамъ во дворецъ къ утренней молитвѣ, а 11 августа прислалъ своего медика для совѣщанія о горныхъ развѣдкахъ. По предварительному согласію, рѣшено было начать работы съ горы Нурата къ сѣверо-востоку отъ Бухары, но потомъ послѣдовало приказаніе отправить гг. Лемана и Богословскаго прямо

въ Самаркандъ и Карши, куда они и выѣхали 25 августа; въ тѣ же города дано было разрѣшеніе ѣхать и Ханыкову, съ то-пографомъ, для поднесенія подарковъ мѣстнымъ правителямъ.

26 августа Бутеневъ посѣтилъ наиба Абдулъ-Самеда, гдѣ встрѣтилъ Стоддарта; послѣднему было передано письмо отъ англійскаго посла въ Россіи, на которое въ тотъ же день данъ отвѣтъ на имя маркиза Кленрикарда, отправленный агентомъ немедленно по назначенію.

Сообщая вице-канцлеру о такомъ приѣмѣ миссіи, Перовскій добавляетъ: «хотя такимъ образомъ подполковникъ Бутеневъ не имѣлъ еще возможности приступить къ переговорамъ о политической цѣли посольства его, но благосклонный приѣмъ, ему оказанный, скорое разрѣшеніе членамъ посольства отправиться въ восточную, наименѣе извѣстную, часть Бухары, безпрепятственный пропускъ Киргиза, посланнаго въ Россію съ депешами, тогда какъ нарочный г. Негри былъ задержанъ и пакеты его вскрыты, наконецъ самое разрѣшеніе, данное эмиромъ миссіи носить восточную одежду, все это свидѣтельствуетъ, что Нассыр-Улла дорожитъ расположеніемъ Россіи и обнадеживаетъ въ счастливомъ окончаніи намѣреній нашего правительства» (37).

Итакъ, миссія въ Бухарѣ; она застала эмира дома. Нетерпѣливый Нассыр-Улла такъ сильно желалъ ее видѣть, что не далъ агенту стряхнуть хорошенько дорожную пыль и потребовалъ его съ пути прямо во дворецъ. Но вотъ обоюдныя привѣтствія кончены, подарки представлены и миссія отпущена отдыхать.

Что же дальше? До какой степени оказались вѣрны предсказанія Перовскаго?

Чтобы отвѣтить на это, нужно сначала посмотреть, среди какихъ обстоятельствъ засталъ Бутеневъ повелителя правовѣрныхъ. Настоящее положеніе Бухары, въ отношеніи внѣшней безопасности, очень разнилось отъ того, когда давалось почтенному Мукинбеку приказаніе ѣхать въ Россію за помощію. Прошлогодніе успѣхи эмира въ Коканѣ еще не были забыты, новый походъ съ многочисленной арміей былъ уже объявленъ и слабость противника, запутаннаго интригами Нассыр-Уллы, сулила вѣрную побѣду. Хива находилась въ дружбѣ съ Россією; тамъ былъ русскій агентъ, слѣдовательно интриги Англичанъ парализовались и дѣйствіе ихъ отдалялось на неопредѣленное время. Наконецъ съ третьей и самой опасной стороны, со стороны Афганистана, вѣсти были не менѣе радостны:

эмиръ хорошо зналъ, въ какомъ положеніи были въ это время дѣла Англичанъ въ Кабулѣ, онъ, конечно, имѣлъ свѣдѣнія о заговорѣ Акберъ-Хана и втайнѣ сочувствовалъ ему. Такъ исчезли многія изъ опасеній эмира, а съ тѣмъ вмѣстѣ пзмѣнились и его желанія. Въ своей внѣшней политикѣ Нассыр-Улла прежде всего былъ Азіятецъ: уступчивость и дружба для него обуславливались только страхомъ силы или корыстью, а потому, когда опасность стала проходить, прошла и нужда въ горячемъ расположеніи къ Россіи, для корысти же достаточно было получить подарки и пустить горныхъ офицеровъ, не помня больше ни о чемъ, что онъ и сдѣлалъ.

6 сентября эмиръ выѣхалъ въ Самаркандъ. Ему было не до переговоровъ: онъ спѣшилъ нагнать свои войска въ ихъ сборномъ пунктѣ къ Кокану, въ Джизахѣ.

По этому случаю и насчетъ Стоддарта агентъ писалъ изъ Бухары: «узнавши объ отъѣздѣ его (эмира) за нѣсколько дней, я старался всячески имѣть съ нимъ личное свиданіе; но мнѣ не удалось».

«Въ день самага отъѣзда своего эмиръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы находящагося здѣсь англійской службы подполковника Стоддарта помѣстить на жительство ко мнѣ, почему съ 7 числа онъ живетъ въ домѣ, занимаемомъ миссією, и, судя по его словамъ, кажется, очень доволенъ настоящимъ своимъ положеніемъ.»

При этомъ Бутеневъ вновь препроводилъ письмо отъ Стоддарта къ маркизу Кленрикарду и просилъ о присылкѣ четырехъ или пяти сотъ червонцевъ на одежду и доставку въ Россію нашихъ плѣнныхъ, въ отпускъ которыхъ онъ не сомнѣвался (38).

Въ другомъ письмѣ, адресованномъ въ то же время въ Хиву къ Никифорову, находимъ: «я прибылъ сюда 5 числа августа и до сихъ поръ, со всѣми подчиненными, пользуюсь особымъ расположеніемъ эмира.... До сихъ поръ я не имѣлъ еще никакихъ, относительно возложенныхъ на меня порученій, словесныхъ объясненій съ эмиромъ или съ кѣмъ либо довѣреннымъ отъ него лицомъ. Тѣмъ не менѣе, по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ, я увѣренъ, что эмиръ по просьбѣ моей уволить отсюда какъ всѣхъ чающихъ здѣсь Русскихъ, такъ и англійскаго подполковника Стоддарта, чрезвычайно умнаго, образованнаго и пріятнаго человека, который, по распоряженію эмира, къ моему большому удовольствію, съ сегодняшняго числа помѣщенъ на жительство вмѣстѣ со мною».

Такъ успѣшно надѣялся агентъ порѣшить съ одной изъ важныхъ статей возложеннаго на него порученія, а, между тѣмъ, до исполненія этихъ надеждъ тихо проживалъ въ Бухарѣ со Стоддартомъ, и только 17 сентября къ компаніи ихъ присоединился Ханьковъ, а 21 октября возвратилась горная партія, открывъ богатое мѣсторожденіе каменнаго угля и произведя разслѣдованіе до юго-восточныхъ истоковъ Заръавшана. Съ своей стороны Нассыр-Улла отбиралъ городъ за городомъ у коканскаго владѣльца, и бѣдный Меддали-Ханъ, послѣ отпаденія Ташкентской области и потери Ходжента, принужденъ былъ согласиться на всѣ возможныя уступки и признать себя вассаломъ Бухары⁽³⁹⁾. 26 октября побѣдоносный эмиръ возвратился въ Бухару; наступилъ новый годъ, и обстоятельства болѣе важныя заняли его высокостепенство. Съ одной стороны коканскій ханъ, нарушивъ условія при помощи брата своего, управлявшаго Ходжентомъ, завладѣлъ вновь всѣми потерянными городами, съ другой — въ Кабулѣ кѣпѣло возстаніе и Борисъ, Менкнайтенъ и другіе Англичане платились головами за слишкомъ большую довѣрчивость къ Афганамъ. Повелитель бухарскихъ правотѣрныхъ, конечно, не могъ оставаться хладнокровнымъ зрителемъ такихъ происшествій. Сборъ сильной арміи, не выступавшей въ походъ только за большими морозами, служилъ отвѣтомъ его Кокану; отобраніе отъ Бутенева и заключеніе въ тюрьму Стоддарта, выѣстъ съ выѣхавшимъ изъ Ташкента Конолли, показали сочувствіе къ Афганамъ, а совершенное невниманіе къ нашему агенту окончательно выразило полное нерасположеніе Нассыр-Уллы имѣть какое либо дѣло вообще съ невѣтрными.

Увѣдомляя о событіяхъ въ Коканѣ и Кабулѣ, Бутеневъ, между прочимъ, такъ сообщалъ о ходѣ своихъ дѣлъ: «Пріѣхавшій сюда, въ октябрѣ прошлаго года, англійскій полковникъ Конолли арестованъ и все имѣніе его продано съ публичнаго торга; вмѣстѣ съ нимъ засажень вновь также и подполковникъ Стоддартъ. Однако, эмиръ еще прежде ихъ ареста общалъ мнѣ отпустить ихъ со мною въ Россію... При моихъ переговорахъ съ высокостепеннымъ эмиромъ, онъ отказалъ мнѣ въ выдачѣ задерживаемыхъ здѣсь Русскихъ безъ особаго ему вознагражденія; но, можетъ быть, я еще успѣю въ этомъ дѣлѣ. Относительно поплинъ онъ общалъ мнѣ на словахъ брать съ Русскихъ по 50%; однако, послѣ того, съ пріѣхавшаго изъ Хивы прикащика купца Пачугина была взята пошлина по 100%, и

здѣшній визирь препятствуетъ мнѣ до сихъ поръ объясниться лично съ эмиромъ по сему дѣлу и вообще старается не допускать меня до него....»

Доносъ далѣе, что деньги девятьсотъ червонцевъ на выкупъ пленныхъ имъ получены, агентъ вновь повторяетъ: «я уже готовлюсь къ отправленію въ обратный путь; но, къ сожалѣнію, только визирь Абдуль-Халикъ противопоставляетъ мнѣ разныя препятствія къ свиданію съ высокостепеннымъ эмиромъ»⁽⁴⁰⁾.

Казалось бы страннымъ, что девятнадцатилѣтній мальчишка могъ имѣть столько вліянія, чтобы препятствовать переговорамъ русскаго посланника, если бы въ послѣдующихъ донесеніяхъ самъ агентъ не разъяснилъ настоящей причины своей неудачи.

Дѣйствительно, время шло, а переговоры не подвигались. Эмиръ жилъ въ Бухарѣ и готовился къ походу въ Коканъ, смотря очень равнодушно, какъ миссія, на ряду съ бухарскими чиновниками, являлась каждую пятницу подъ крытыя ворота дворца, чтобы присутствовать при выѣздѣ его въ мечеть.

Наступила весна. Кабульская рѣзня кончилась, бухарская армія стала стягиваться къ сторонѣ Кокана, а всѣ старанія агента вступить съ эмиромъ до его отъѣзда въ окончательные переговоры оставались тщетными. «Я убѣдился наконецъ — пишетъ агентъ — что не визирь Абдуль-Халикъ удерживалъ меня отъ сего, но самъ эмиръ избѣгалъ дальнѣйшихъ разговоровъ со мною.»

31 марта были присланы съ братомъ визиря для миссіи подарки, состоявшіе изъ халатовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено агенту, что на другой день эмиръ позоветъ его для окончательныхъ объясненій. Но 1 апрѣля обманываютъ, вторично, не въ одной Россіи: число это прошло, а приглашенія не было; за то на слѣдующій день произошло слѣдующее безцеремонное свиданіе.

«Съ первымъ утреннимъ разсвѣтомъ — пишетъ агентъ — я былъ разбуженъ Шагауль-Беккомъ, приглашавшимъ меня во дворецъ для выслушанія *милостивыхъ словъ эмира* (*). Тамъ меня поставили во дворѣ, и чрезъ часъ ожиданія отправляющійся въ походъ эмиръ вышелъ, мимоходомъ сказавъ, что сверхъ тѣхъ словъ, которыя онъ говорилъ со мною, все остальное онъ поручилъ мнѣ сказать своему дастраханчи, и, привѣтствовавши меня словами: *хош амедидъ*, вышелъ изъ дворца и уѣхалъ изъ Бухары. Визирь, то есть дастраханчи, въ этотъ день не принималъ меня, а на слѣдующій, утромъ, прислалъ просить меня при-

(*) Подчеркнуто въ подлинномъ донесеніи.

слать ему записку, въ которой прописать, о чемъ именно я желаю просить его при свиданіи. Какъ ни странны были такіа слова его, но я далъ ему за мою печать записку, въ которой просилъ его дать знать, какой окончательный отвѣтъ долженъ и дать отъ эмира по слѣдующимъ пунктамъ:

1) «Отношенія заключенія съ Россіею акта; 2) относительно освобожденія русскихъ плѣнныхъ; 3) объ отпускѣ въ Россію Стоддарта, а вмѣстѣ съ нимъ и Конолли, согласно даннаго мнѣ обѣщанія эмира, и 4) о пониженіи таможенныхъ пошлинъ съ русскаго купечества.

«Дастраханчи отправилъ сію записку къ эмиру съ нарочнымъ гонцомъ, а 7 апрѣля, утромъ, я выслушалъ отъ дастраханчи слѣдующій отвѣтъ эмира:

«Отношенія заключенія трактата эмиръ отвѣчалъ, что если Государь Императоръ прежде его подпишетъ сей трактатъ и пришлетъ къ нему въ Бухару съ отправляющимся въ Россію бухарскимъ посланцемъ, то и эмиръ утвердитъ его.

«Касательно отпуска Русскихъ изъ Бухаріи эмиръ обѣщается отослать ихъ всѣхъ обратно въ Россію, какъ скоро будетъ заключенъ актъ.

«Пониженіе таможенныхъ пошлинъ эмиръ обѣщается произвести въ такомъ случаѣ, когда прежде того таможенные пошлины будутъ понижены для бухарскихъ купцовъ въ Россіи.

«Наконецъ объ Англичанахъ эмиръ объявилъ, что оба они подали эмиру письмо, въ которомъ писали, что ихъ королева желаетъ быть въ дружбѣ съ Бухаріею, почему эмиръ написалъ самъ письмо къ королевѣ, и когда получитъ отвѣтъ ея, то эмиръ ихъ обоихъ отпустить изъ Бухары *прямо въ Англію*.

«Въ заключеніе, дастраханчи, по приказанію своего повелителя, объявилъ, что эмиръ имѣетъ къ Государю Императору только чувства дружбы и почтенія.» ⁽⁴¹⁾

Таковъ былъ результатъ дипломатическаго порученія миссіи. Ясно, что эмиръ не хотѣлъ входить ни въ какія соглашенія насчетъ предложенныхъ вопросовъ и не обязывалъ себя ни къ чему; напротивъ, высокомѣрные отвѣты его и весьма неделикатный способъ сообщенія ихъ агенту скорѣе служили вызовомъ русскому правительству на какую либо рѣшительную мѣру.

Не довольствуясь всѣмъ этимъ, эмиръ имѣлъ, однако, столько смѣлости, что приказалъ снарядить въ Россію свое посольство и еще разъ выказалъ всю безцеремонность обращенія съ агентомъ.

«Въ ночь съ 7 на 8 апрѣля—пишетъ Бутеневъ—выступилъ я съ своею миссіею въ обратный путь, взявши съ собою трехъ престарѣлыхъ Русскихъ изъ числа вольныхъ, между которыми были двое безногихъ, въ надеждѣ, что они, будучи совершенно бесполезны для Бухаріи, будутъ пропущены со мною. При одномъ изъ нихъ была жена, съ малолѣтними сыномъ и дочерью. Но и это доброе дѣло не удалось мнѣ, ибо 10 апрѣля, не доходя города Варданзи, люди сіи были отобраны отъ меня.» ⁽⁴²⁾

Итакъ, кромѣ приказанія являться по пятницамъ къ выѣзду изъ дворца, кромѣ отобранія Стоддарта и вообще неделикатнаго обращенія эмира и его визиря съ агентомъ, Бутеневъ еще разъ былъ оскорбленъ отнятіемъ у него безногихъ плѣнныхъ, и притомъ публично, на походѣ, среди бухарскихъ чиновниковъ и Киргизовъ-вожаковъ.

Пройдя благополучно Кизылъ-Кумы, миссія 11 мая достигла рѣки Сыра, гдѣ была встрѣчена съ почетомъ начальникомъ близъ лежащей хивинской крѣпости, а 14 продолжала дальнѣйшій путь.

Непосредственно за миссіею шелъ и бухарскій караванъ, при которомъ слѣдовалъ вновь назначенный въ Россію посланецъ караулъ-беги Худояръ. На пути къ Сыру миссія два дня даже бивуакировала вмѣстѣ съ посланцемъ; но онъ ни разу не удостоилъ нашего агента посѣщеніемъ ⁽⁴³⁾.

6 іюня миссія прибыла къ рѣкѣ Карабутахъ, а 9 въ Оренбургъ.

Всѣ расходы по снаряженію, движенію и содержанію миссіи обошлись казнѣ до 6,000 червонцевъ ⁽⁴⁴⁾.

Несмотря на неудачу переговоровъ, во всякомъ случаѣ восьмилѣтнее пребываніе миссіи въ Бухарѣ было не безплодно для науки. Результатами трудовъ ея въ этомъ отношеніи были: геогностическія и климатологическія замѣтки г. Бутенева, дневникъ Лемана, статистическое описаніе Бухарскаго ханства Ханькова и, что всего важнѣе, обширные, глазомѣрные съемки, давшія намъ совершенно новыя свѣдѣнія о такихъ мѣстностяхъ, о которыхъ мы имѣли довольно сбивчивыя понятія. Въ самомъ дѣлѣ, зная подозрительность Азіятцевъ, невольно подивившись искусству бывшаго при миссіи топографа Яковлева, съумѣвшаго набросать такое значительное пространство, и притомъ съ возможной вѣрностію. Г. Яковлевымъ сняты: путь миссіи отъ Сыра черезъ Куванъ и Яны-Дарью до Бухары; дорога отъ Бухары вверхъ по рѣкѣ Заръавшану за Самаркандъ и планы городовъ

Бухары и Самарканда съ окрестностями. Кромѣ того, имъ составлена карта бухарскаго владѣнія и нанесенъ обратный путь миссіи до урочища Бишъ-Тамакъ ⁽⁴⁵⁾.

Мы въ особенности обращаемъ вниманіе на эти сѣмки еще потому, что работы нашего топографа остались совершенно неизвѣстными для публики, и даже г. Ханыковъ, прикладывая къ описанію Бухарскаго ханства планы городовъ Самарканда, Бухары и карту ханства, не счелъ нужнымъ оговорить, что матеріалы для этихъ приложений почти исключительно доставлены ему г. Яковлевымъ.

Окончивъ статью нашу о посольствѣ въ Хиву капитана Никифорова (*) мнѣніемъ самого агента, что Хивинцы не понимаютъ никакихъ дипломатическихъ переговоровъ, считаемъ не лишнимъ и въ заключеніе настоящаго описанія привести слова одного изъ состоявшихъ при Бутеневѣ чиновниковъ, г. Ханыкова, принимавшаго весьма дѣятельное участіе въ переговорахъ. Вотъ что онъ писалъ, по возвращеніи изъ Бухары, къ генералу Перовскому: «успѣхъ миссіи нашей въ Бухарѣ былъ рѣшительно тотъ же, какъ и всѣхъ предъидущихъ, посылаемыхъ туда со времени Бориса Годунова, т. е. мы привезли дружескія увѣренія со стороны бухарскаго эмира и положительный отказъ исполнить хотя одно изъ умѣренныхъ требованій Государа Императора; хотя рѣшеніе это, какъ вы сами изволите усмотрѣть, не было для нихъ весьма благопріятно, тѣмъ не менѣе, оно насъ обрадовало, потому что съ нимъ связано было позволеніе выѣхать изъ Бухары, гдѣ 8-ми-мѣсячное пребываніе не могло не показаться намъ тяжкимъ, особенно въ послѣднее время, когда къ прежнему его единообразію присоединилась опасность подвергнуться участи, постигшей Англичанъ, при малѣйшемъ подозрѣніи эмира.» ⁽⁴⁵⁾

Зная характеръ Азіятцевъ, можно было бы предположить, что въ послѣднихъ словахъ Ханыкова кроется отчасти и причина самой неудачи миссіи, если бы дѣйствія другаго нашего агента, Никифорова, въ Хивѣ не показывали, что смѣлое и даже дерзкое поведеніе русскаго чиновника въ свою очередь не всегда приводитъ къ положительнымъ результатамъ. Тѣмъ не менѣе, однако, и высказывая свое личное убѣжденіе, мы все-таки позволимъ себѣ замѣтить, что способъ дѣйствій Никифорова для

насъ кажется гораздо предпочтительнѣе, и если онъ иногда и не доводитъ до цѣли, то, по крайней мѣрѣ, даетъ возможность сохранить достоинство того правительства, представителемъ котораго служить агентъ, особенно въ глазахъ такихъ народовъ, у которыхъ внѣшность играетъ столь важную роль ⁽⁴⁷⁾.

Выше было сказано, что вслѣдъ за миссіей эмиръ отправилъ и своего посланника. Дѣйствительно, черезъ четыре дня по прибытіи Бутенева въ Оренбургъ, явился передъ Рудниковскимъ кордономъ и новый представитель Нассыр-Уллы, *караулъ-беги Худояръ-Клычбаевъ*, со свитою изъ 17 человекъ, съ тючкомъ шалей и пятью аргамаками, назначенными для подарковъ. Худояръ привезъ грамоту на Высочайшее имя и письма къ вице-канцлеру и директору Азіятскаго Департамента.

Мы замѣтили уже, что, послѣ такого обращенія съ миссіей, отправленіе бухарскаго посланца въ Россію было большою смѣлостію, и одни знаки пріязни, шали, аргамаки и проч., которые онъ доставилъ, разумѣется, не могли изгладить дурнаго впечатлѣнія, произведеннаго на правительство послѣдними поступками эмира. Такъ и случилось: вице-канцлеръ, въ отзывѣ къ оренбургскому военному губернатору, говоря, что по одной незначительности должности, занимаемой посломъ въ Бухарѣ, слѣдовало бы отклонить пріѣздъ его въ столицу, выразилъ такими словами неудовольствіе правительства: «но допущеніе его въ С.-Петербургъ къ Высочайшему двору содѣлывается еще болѣе неудобнымъ послѣ той невнимательности, которая оказана бухарскимъ правительствомъ подполковнику Бутеневу предъ выѣздомъ его изъ Бухары».

Вслѣдствіе этого допускать въ Петербургъ посланца не разрѣшалось; но, принимая во вниманіе, «что послѣдніе поступки эмира бухарскаго могутъ также быть отнесены отчасти къ гробу его невѣжеству, отчасти къ заблужденію, поддерживаемому воинскими успѣхами въ Коканѣ», вице-канцлеръ предложилъ, не прерывая сношеній, на первый разъ истребовать отъ посла грамоту и письма и отправить ихъ въ Петербургъ, подарковъ же впредь до разрѣшенія не принимать и кормовыя деньги послу и свитѣ назначить съ крайнею умѣренностію ⁽⁴⁸⁾.

Съ своей стороны Худояръ объявилъ наотрѣзъ, что грамоты и писемъ никому въ Оренбургъ не выдастъ и уступить только силѣ; при этомъ онъ возвратилъ и отпущенныя ему кормовыя деньги, въ количествѣ 80 к. сер. въ день для него и по

(*) «Военный Сборникъ», ноябрь 1861 г.

40 и 15 к. сер. для свиты. Вторичное наше требованіе по этому предмету осталось тоже безуспѣшно, и тогда послу предложено было выѣхать изъ Оренбурга, объявлено неудовольствіе Государя за невнимательность къ требованіямъ подполковника Бутенева и въ заключеніе передано: «что одни увѣренія въ преданности, не подтверждаемыя сообразными съ оною дѣйствіями, недостаточны для внушенія довѣрія къ бухарскому правительству и что, для списканія себѣ вновь благорасположенія Его Величества, ханъ бухарскій долженъ безъ промедленія отпустить въ Россію находящіхся въ Бухарѣ російскихъ плѣнныхъ и содержащихся тамъ двухъ Англичанъ: Стоддарта и Конолли» (49).

Но когда дѣлались эти наставленія, Стоддарта и Конолли уже не было въ живыхъ: въ іюнѣ мѣсяцѣ они были всенародно обезглавлены на главной бухарской площади, а послѣднимъ русскимъ плѣннымъ суждено было освободиться изъ тяжкаго рабства только въ 1858 году, вслѣдствіе настояній послѣдняго нашего агента въ Бухарѣ, флигель-адъютанта Игнатьева.

4 февраля Худояръ отправился въ обратный путь, и содержаніе бухарскаго посланца обошлось на этотъ разъ правительству всего только 30 р. сер. (50)

Такъ кончились шестилѣтнія, почти непрерывныя, дипломатическія сношенія Бухары съ Россією, вызванныя со стороны эмира корыстью и опасеніями за политическое существованіе ханства, а съ нашей — желаніемъ освободить плѣнныхъ, развить нашу торговлю въ Азій на болѣе прочныхъ основаніяхъ и тѣмъ упрочить вліяніе Россіи въ Туранѣ, которое принадлежитъ ей по праву цивилизаціи.

Достигли ли обѣ стороны того, чего желали, предоставляемъ судить изъ приводимаго очерка; съ своей же стороны добавимъ только, что шестилѣтнія изъявленія дружбы, посылки знаковъ пріязни къ эмиру и пріемы его посланцевъ обошлись казнѣ, не считая огромнаго количества подарковъ и содержанія пословъ въ Петербургѣ, до 20,000 р. сер., а поѣздки двухъ агентовъ нашихъ въ Бухару около 8,700 червонцевъ.

Н. ЗАТЪСОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ СТАТЬѢ:

ОЧЕРКЪ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХЪ СНОШЕНІЙ РОССИИ СЪ БУХАРОЮ СЪ 1836 ПО 1843 ГОДЪ.

(1) Письмо Перовскаго къ дѣйствительному тайному совѣтнику Родонинкину отъ 24 іюля 1836 г., № 1117. Архивъ канцеляріи оренбургскаго военнаго губернатора.

(2) Отношеніе гр. Нессельроде къ Перовскому отъ 15 марта 1837 г., № 655. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(3) Содержаніе Высочайшей грамоты было слѣдующее:

Обладателю Бухаріи Батырь-хану наша Императорскаго Величества благопріязнь и дужеское привѣтствіе.

«Посланникъ вашъ, караулъ-беги, Курбанъ-Бекъ Ашурбековъ, по благополучномъ сюда прибытіи, былъ намъ, Великому Государю, представленъ и вручилъ грамоту вашего высочества.

«Мы съ удовольствіемъ приняли сіе новое изъявленіе вашей дружбы и искреннихъ желаній пребывать въ вѣчномъ мирѣ и добромъ согласіи съ Россією, упрочивая болѣе и болѣе существующія пріязненныя и торговыя связи съ нашею имперією. Пріятно намъ также удостовѣрить васъ, высокостепенный ханъ, во взаимности нашихъ чувствованій и въ постоянной готовности оказывать вашимъ подданнымъ, пріѣзжающимъ къ намъ по дѣламъ своимъ, всякую законную защиту и покровительство. Надѣемся, что и съ вашей стороны будетъ поступаемо такимъ же образомъ въ отношеніи къ нашимъ подданнымъ и что сіи, пріѣзжая въ Бухарію и находя тамъ равное покровительство и справедливость по дѣламъ своимъ, не будутъ подвергаемы излишнему какому требованію противъ прочихъ азіатскихъ князей, въ продолженіе тому образу дѣйствій, который

Т. XXVII, Отд. II.

наблюдается у насъ въ отношеніи къ вашимъ купцамъ, которые по торговлѣ своей облежены болѣе нежели русскіе купцы.

«Въ заключеніе поручая вамъ провидѣнію Всемогущаго Бога и желая вамъ всякаго счастья и благополучія, препровождаемъ къ вамъ съ посланникомъ нѣкоторыя вещи, произведенія нашихъ фабрикъ, въ знакъ особеннаго нашего къ вамъ расположенія и пріязни. С.-Петербургъ, февраля 16 дня 1837 года.»

«Письмо вице-канцлера къ кушъ-бегію отъ 25 февраля заключало просьбы о болѣе умѣренномъ и справедливомъ взиманіи пошлинъ съ русскихъ купцовъ и о высылкѣ 4 русскихъ платныхъ.»

(1) Отъ Высочайшаго двора хану бухарскому были посланы въ подарокъ слѣдующія фарфоровыя и хрустальныя вещи: два чайныхъ прибора, каждый изъ 17 штукъ, 12 большихъ чашекъ, 2 цѣтника, 12 душицъ, 2 вазочки, 2 большія вазы, 3 умывальницы съ чашами, 6 графиновъ, 6 стакановъ, 12 кружекъ, кувшинъ алый съ тазомъ, 10 цѣтниковъ и 20 сткланокъ, кромѣ того: княжалъ въ золотой оправѣ, украшенный брилліантами, рубинами и гранатами, въ зеленыхъ бархатныхъ ножнахъ, 3 куска парчи, 20 кусковъ кисей, 6 подносовъ бумажныхъ и 5 круглыхъ зеркалъ въ рамкахъ краснаго и чернаго дерева.

Отъ вице-канцлера кушъ-бегію.

Чайный сервизъ изъ 17 чашекъ, 12 большихъ чашекъ, умывальникъ, 6 графиновъ, 12 кружекъ, 3 подноса бумажныхъ и кусокъ голубаго сукна.

Посланнику и его свитѣ.

Посланнику: два куса сукна, часы золотыя въ 600 р. и 500 р.

Двумъ почетнымъ лицамъ свиты: сукна и парчи по 10 арш., атласу по 15 и по 200 р. сер. на cadaго.

Двумъ лицамъ втораго разряда: парчи и атласу по 10 арш., сукна по 5 арш. и по 100 р. сер. на cadaго.

Остальнымъ 7 человекъ свиты: сукна по 5 и атласу по 10 аршинъ на cadaго и тремъ по 25, а четверемъ по 15 р. сер.

Отношеніе гр. Нессельроде къ Перовскому 15 марта, № 655. Арх. канц. военн. губ.

(5) Письмо гр. Нессельроде къ кушъ-бегію, препровожденное къ Перовскому при отзывѣ отъ 20 марта 1837 г., № 703. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(6) Отношеніе Перовскаго къ министру иностранныхъ дѣлъ 5 августа 1838 г., № 1259. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(7) Высочайшая грамота (отъ 22 февраля 1839 г.) по содержанію совершенно сходна съ грамотой, врученной караулъ-бегі (см. приложение 3), за исключеніемъ того, что ханъ названъ здѣсь не высочествомъ, а высокостепенствомъ, и упомянуто о согласіи государя на присылку въ Бухару горнаго чиновника.

Письмо вице-канцлера (отъ 22 февраля) наполнено любезностями въ азіатскомъ вкусѣ и просьбами о покровительствѣ нашимъ куп-

цамъ, которыхъ, несмотря на изъявленія дружбы, бухарское правительство постоянно притѣсняло; кромѣ того выражена благодарность за присылку платныхъ и еще разъ повторена просьба: «во всѣхъ случаяхъ, по дѣламъ ли бухарскихъ подданныхъ, здѣсь находящихся, или по инымъ обстоятельствамъ, обращаться, для сокращенія времени, прямо къ г. оренбургскому военному губернатору, какъ къ главному пограничному начальнику, облеченному полною довѣренностью Государя Императора; въ заключеніе говорилось о подаркахъ.»

Въ нотѣ къ посланнику выражена благодарность за присылку платныхъ и упомянуто объ отправленіи съ посломъ горнаго чиновника, грамоты и подарковъ эмиру. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(8) Подарки отъ Государя Императора владѣтелю Бухаріи Баттырь-хану. Серебряныя: самоваръ съ подносомъ, чайникъ, сахарница, молочникъ, полоскательная чашка, корзинка, ситечко, 24 чайныхъ вызолоченныхъ ложки и большой подносъ подъ сервизъ; 24 фарфоровыхъ вызолоченныхъ чашки, четыре куса сукна, въ сложности 106 аршинъ, два куса парчи съ золотыми цѣтами и разводами, въ сложности 52 арш., четыре куса шелковыхъ матерій съ цѣтами, въ сложности 80 арш., 12 кусковъ тонкой кисей, часы столовые, бронзовые вызолоченные, со стекляннмъ колпакомъ, пара пистолетовъ съ принадлежностями, органъ изъ краснаго дерева, дамская рабочая шкатулка съ разными дамскими вещами и музыкою и 20 картинокъ подъ стекломъ, изображающихъ русскія войска.

Отъ вице-канцлера Ишанъ-Рейсу.

Два куса сукна, въ сложности 50¾ арш., два куса шелковой матеріи, въ сложности 50 арш., два полныхъ чайныхъ фарфоровыхъ сервиза и къ нимъ два лакированныхъ подноса, часы золотые съ репетиціею, двѣ золотыхъ цѣпотки и дорожный туалетный ящикъ съ серебрянымъ приборомъ.

Посланнику и его свитѣ.

Посланнику: два куса сукна, кусокъ парчи, часы золотые въ 600 р. и 500 р. сер.

Тремъ почетнымъ лицамъ свиты: сукна и атласу по 10, парчи по 15 арш. и по 200 р. сер. каждому.

Двумъ лицамъ втораго разряда: сукна по 5, парчи и атласу по 10 арш. и по 100 р. с. каждому.

Бухарцу третьяго разряда: сукна 5, атласу 10 арш. и 15 р. с.

Оставшимся въ Оренбургѣ 13 Бухарцамъ: на всѣхъ сукна 65, атласу 130 и парчи 10 арш. и 250 р. с.

Сопровождавшимъ бухарское посольство въ Петербургъ нашимъ чиновникамъ было пожаловано: приставу 400 и уряднику 75 р. сер. Кромѣ того, было отпущено изъ кабинета Его Величества въ распоряженіе г.-а. Перовскаго разныхъ вещей на 2.000 рублей для подарковъ отъ имени оренбургскаго военного губернатора. Отношенія гр. Нессельроде къ Перовскому 15 февраля и 2 марта, №№ 440 и 585. Арх. канц. оренб. военн. губ.

Лицамъ, сопровождавшимъ въ Петербургъ слона, пожаловано: толмачу бриллиантовой перстень, уряднику 25, 4 казакамъ по 15 р. сер., главному вожаку: сукна 5, атласу 10 арш. и 30 р. сер., а двумъ младшимъ: сукна 5, атласу 10 арш. и по 15 р. с. на кажлаго. Отношеніе Азіятскаго Департамента къ Перовскому 4 декабря 1839 г., № 3118. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(⁹) Рапортъ оренбургской пограничной комиссіи 28 декабря, № 9034. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(¹⁰) Отношеніе Перовскаго къ гр. Нессельроде 8 августа, № 934. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(¹¹) Отзвѣтъ министра иностранныхъ дѣлъ къ Перовскому 3 апрѣля 1839 г., № 812. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(¹²) Нота и письмо заключаютъ въ себѣ только увѣдомленіе о составѣ экспедиціи и просьбы о благосклонномъ ея приѣмѣ въ Бухарѣ. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(¹³) Предписаніе штаба корпуса горныхъ инженеровъ 3 апрѣля, № 1719. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(¹⁴) Предписаніе министра иностранныхъ дѣлъ 10 апрѣля, № 870. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(¹⁵) Въ дневникѣ Ковалевскаго сказано:

«15 ноября ночлеги въ 7 верстахъ отъ первыхъ ауловъ Тляу-кабакскаго рода отдѣленія Карабашевцевъ. Мы нашли аулы чрезвычайно взволнованными и раздраженными противъ Русскихъ; въ послѣдствіи узнали, что ихъ только наканунѣ нашего прихода оставили хивинскіе посланцы. Безпрестанныя стычки Киргизовъ съ нами. Они не давали намъ воды изъ колодезѣй и всячески оскорбляли нашихъ людей. Ввечеру старшина Акманъ со своей шайкою явился къ намъ мстителемъ за брата своего Джанъ-Девлота, умершаго въ оренбургской темницѣ. Онъ требовалъ сначала, чтобы мы все сдались, потомъ, чтобы выдали, по крайней мѣрѣ, переводчика Григорьева, съ которымъ имѣлъ онъ личную вражду; не успѣвъ и въ этомъ, безпокоилъ насъ въ теченіе цѣлой ночи. На другой день, мы успѣли склонить на свою сторону нѣкоторыхъ Киргизовъ и прогнали его....»

«17 ноября ночлеги вблизи Вольшихъ Барсуковъ. На пути встрѣтилъ насъ хивинскій посланецъ Науманъ, присланный для возбужденія Киргизовъ противъ Русскихъ. Онъ вдругъ измѣнилъ ходъ каравана, направивъ его къ сѣверо-востоку, къ хивинскому укрѣпленію, котораго хотѣли избѣжать бухарскіе купцы....»

«18 ноября. Дневка. Свиданіе съ хивинскими посланцами; ихъ угрозы. Съ этого дня вокругъ нашей кибитки поставленъ былъ караулъ.

«20 и 21 ноября. Дневка въ Вольшихъ Барсукахъ. Мы рѣшились освободиться изъ того унижительнаго состоянія, въ которое были поставлены, и какими бы ни было средствами отдѣлаться отъ каравана. Новыя оскорбленія со стороны Киргизовъ. У насъ увели 20 верблюдовъ среди каравана. Схватили одного изъ нашихъ горныхъ мастеровъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каравана; но мы вовремя успѣли для освобожденія его.

«Ночь съ 21 на 22 ноября. Мы рѣшились прибѣгнуть къ старшинѣ Утерали, извѣстному по преданности своей Россіи. Несмотря на всю опасность своего положенія, Утерали посѣтилъ насъ ночью. Онъ говорилъ, что вполне видѣлъ наше опасное положеніе и уже думалъ, какъ бы избавить насъ отъ него, но находилъ только одно отчаянное средство: воспользоваться бураномъ, который свирѣпствовалъ, и совершенной темнотой ночи и отдѣлится отъ каравана по направленію къ Чупкакульскому (Акъ-Булакскому) временному укрѣпленію, отстоявшему за 300 верстъ, что онъ, наконецъ, жертвуетъ своимъ сыномъ, отдавая его намъ въ вожатые. Это было совершенно сообразно нашему мнѣнію, и мы приняли предложеніе Утерали съ благодарностію. Приготовленія были сдѣланы немедленно и остались незамѣченными со стороны караулившихъ насъ Киргизовъ, потому что на дворѣ зги не было видно; мы оставили все свои вещи, взявъ, однако, принадлежавшія переводчику, казакамъ и мастеровымъ, порохъ и бывшіе съ нами два небольшие фальконета на заводныхъ лошадяхъ.» Путевой журналъ Ковалевскаго, представленный Перовскому при рапортѣ 3 мая 1840 г., № 44. Архивъ генеральнаго штаба Оренбургскаго Корпуса.

Вотъ что еще писалъ Ковалевскій Перовскому изъ Чупкакуля: «Мы не могли слѣдовать по направленію къ Бухарѣ, потому что никто не согласился быть нашимъ вожатымъ... Осмѣливаюсь думать, ваше превосходительство не станете осуждать мое поведеніе, тѣмъ болѣе, что насъ считали и съ нами обращались уже какъ съ плѣнными, и только ожидали случая отправить въ Хиву; слѣдовательно, всякое средство, какъ бы рѣшительно ни было, считалось для меня дозволеннымъ....»

Рапортъ отъ 25 ноября, № 26, и письмо отъ того же числа. Арх. ген. шт. Оренб. Корп.

(¹⁶) Отзвѣтъ штаба корпуса горныхъ инженеровъ къ Перовскому отъ 27 февраля 1842 г., № 1076, рапортъ оренбургской пограничной комиссіи съ отчетомъ, отъ 9 марта, № 1109. Отношеніе графа Канкринъ къ Перовскому 14 октября, № 5088. Арх. канц. оренб. военнаго губернатора.

(¹⁷) Отзвѣтъ вице-канцлера къ Перовскому 14 іюня 1840 г., № 1408. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(¹⁸) Письмо эмира къ Государю, кромѣ обыкновенныхъ изъявленій дружбы, наименованія подарковъ, заключало еще слѣдующее: «упованіе таково есть, что когда означенное лице (т. е. посланникъ) съ помощію Всевышняго Творца прибудетъ въ охраняемую Богомъ столицу и украсится снисходительностію у порога высокаго славою и благополучіемъ двора, осчастлившись обозрѣніемъ обширнаго царства и всего его великолѣпія, тогда онъ о всемъ томъ, что повелѣно ему, изустно доведетъ до августѣйшаго слуха великаго монарха.»

По случаю же подарковъ и отправленія въ Петербургъ, Мукинбекъ писалъ къ предсѣдателью пограничной комиссіи, генералу Генсу:

«Въ подарокъ вашему Императору назначено было: 4 дороги

шали, 2 лошади и слонъ; но какъ слонъ палъ въ дорогѣ, то эмиръ, услышавъ объ этомъ, прислалъ еще 2 дорогія шали и 2 лошади. Сверхъ этого послана еще одна лошадь генералъ-губернатору В. А. Перовскому, одинъ шалевый платокъ великому визирю графу Карлу Васильевичу (Нессельроде), другой генералу Григорію Федоровичу (Генсу) и третій шалевый платокъ Л. Г. Сенинну.

«Высокопоставленному, почтенному и достойному уваженія генералу Григорію Федоровичу да будетъ извѣстно, что мы услышали, будто бы насъ, по повелѣнію Государя Императора, должны вы отправить въ С.-Петербургъ съ 4 человѣками. Прислуги моей изъ Бухары я привезъ съ собою 40 человѣкъ, а теперь какъ долженъ ѣхать съ 4 человѣками? Гость имѣетъ волю только въ дорогѣ, а въ чужомъ домѣ не можетъ ничего дѣлать. Хотя бы мы не имѣли сношеній, но мы близкіе сосѣди и Бухарія и Россія составляютъ одно владѣніе. Обстоятельства наши вы сами хорошо знаете. Мы ваши гости въ продолженіе 5 или 6 дней. Все что бы ни было, но примите нашу молитву и отпустите съ честію. Умному объяснять не нужно. Люди, которыхъ я непременно долженъ взять съ собою, суть слѣдующіе: имамъ, мирза, динъ-бегі, поваръ, цирюльникъ, 2 пажы и 2 музыканта, которые, по приказанію эмира, должны ѣхать въ Петербургъ и показать музыку. Впрочемъ, воля ваша. Да продлятся дни ваши въ радости до окончанія вѣка.» Арх. канц. оренб. военн. губ.

(¹⁹) Мукиббеку и его свитѣ было пожаловано:

Посланнику: два куска сукна, всего 58½ арш., парчи 32 арш., кусокъ атласу, органъ и 500 р. сер.

Двумъ сыновьямъ его, каждому: сукна и атласу по 10, парчи по 15 арш. и по 200 р. сер.

Двумъ Бухарцамъ втораго разряда, каждому: сукна и атласу по 10, парчи по 6 арш. и по 100 р. сер.

Пяти Бухарцамъ третьяго разряда, каждому: сукна по 5, атласу по 10 арш. и по 15 р. сер.

Остальнымъ же Бухарцамъ свиты назначено въ раздачу: 6 кусковъ (15 арш.) и 300 р. сер.

Толмачу и уряднику, сопровождавшимъ посланника въ Петербургъ и обратно, пожаловано: первому 300, а второму 60 р. сер. Отнош. директора Азіатск. Департ. къ Перовскому отъ 10 февраля, № 356. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(²⁰) Отзывъ Азіатск. Департ. къ Перовскому отъ 10 марта, № 633. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(²¹) Отношеніе Перовскаго къ гр. Нессельроде отъ 18 ноября, № 1355. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(²²) Содержаніе Высочайшей грамоты было слѣдующее:

«Обладателю Бухаріи эмиру Насръ-Улль, Батырь-хану, наша Императорскаго Величества благопріязнь и дружеское привѣтствіе.

«Посланникъ вашъ Мулла Мукибъ-Біи, по прибытіи сюда, былъ намъ, Великому Государю, представленъ и вручилъ грамоту вашего Высочества.

«Извѣстіе о вожделѣнномъ состояніи вашего здравія и благополучіи вашихъ владѣній премного насъ порадовало. Мы съ удовольствіемъ принимаемъ изъясняемыя вами чувства усердія и желанія пребывать въ тѣсной связи съ нашею имперією.

«Отпуская нынѣ обратно посланника нашего Мулла Мукибъ-Біи, мы, въ доказательство особеннаго нашего къ вамъ расположенія, повелѣли отправить вмѣстѣ съ нимъ въ Бухарію довѣренное отъ насъ лицо, съ которымъ посылаемъ къ вамъ особую грамоту и разныя вещи—знаки пріязни.

«За симъ поручаемъ васъ промыслу Всевышняго. С.-Петербургъ, февраля 1 дня 1841 г.»

Нота, адресованная 1 февраля вице-канцлеромъ посланнику, по прежнему выражала чувства пріязни и говорила о покровительствѣ бухарскимъ купцамъ въ Россіи съ надеждой на взаимность. Здѣсь же сообщалось о посылкѣ новой горной экспедиціи, о полномочіяхъ назначаемого агента и высказывалось желаніе видѣть Стодарта свободнымъ. Арх. канц. оренб. военн. губ.

Самъ посланникъ въ двухъ запискахъ такъ объяснял цѣль своего пріѣзда въ Россію:

Записка, поданная министру иностранныхъ дѣлъ.

Предметы моего представленія слѣдующіе:

1. Англичане часто начали нынѣ посѣщать Хиву. Я опасался, чтобы они не завладѣли наконецъ въ нашей сторонѣ какимъ либо мѣстомъ; но такъ какъ теперь Всемилоостивѣйшій Государь сдѣлалъ весьма доброе дѣло—отпустилъ хивинскихъ купцовъ, то я надѣюсь, что при этомъ новомъ оборотѣ дѣлъ съ Вожією помощію Англичане болѣе не станутъ туда пріѣзжать.

2. Относительно Хивинцевъ просьба моя состоитъ въ томъ, чтобы не допускать ихъ ни до чего такого, что могло бы сдѣлать вредъ Бухаріи, чтобы заставить ихъ свято соблюдать права сосѣдства; а потому, когда Государь Императоръ заключитъ съ ними миръ, то я прошу упомянуть въ мирномъ трактатѣ, чтобы Хивинцы бухарскимъ купцамъ не дѣлали никакихъ обидъ и притѣсненій и чтобы не возмани насильственныхъ пошлинъ.

3. Если Государь Императоръ будетъ такъ снисходителенъ, что приметъ покорнѣйшую просьбу бухарскихъ купцовъ и повелитъ уменьшить взимаемыя съ нихъ пошлинны, то это было бы для нихъ, бѣдныхъ его подданныхъ, великою милостію. Принять и не принять эту просьбу есть его великая воля.

Повелѣніе со стороны моего эмира было таково, что если будетъ со мною рѣчь, то донести о вышеизложенномъ, что я симъ и исполняю.

4. Собственная моя просьба: богомольцы наши проходили прежде на поклоненіе въ Мекку чрезъ Россію, но въ недавнемъ времени имъ воспрещенъ этотъ путь; почему они теперь принуждены ходить чрезъ Персію. Прошу Государя Императора о разрѣшеніи свободного пропуска черезъ Россію въ Константинополь по прежнему означен-

нымъ богомольцамъ. Они будутъ молиться за это о здравіи и благополучіи его, и великое спасеніе будетъ вознагражденіемъ небесъ. Все это повергается на всемогущіишу волю самого Государя Императора.

Далеко подробнѣе цѣль посольства объясняетъ другая записка Мукимбека отъ 6 августа 1840 года, поданная имъ г. Генсу и въ которой, какъ видно, посланникъ не стѣснялся высказать подробно желанія своего повелителя.

По особому интересу и даже наивности записки помѣщаемъ ее здѣсь цѣликомъ, съ тѣми объясненіями и замѣчаніями, которыя сдѣланы на ней Генсомъ.

«Почтенный эмиръ—да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе—изволилъ приказать увѣдомить васъ, что отъ Франковъ два раза пріѣзжалъ къ нему посланникъ и требовалъ своего человѣка (1), но, не добывая 180 верстъ до Бухары, былъ обращенъ назадъ (2)».

«Миръ ургенджскій (3) два раза присылалъ также человѣка для ходатайства о выдачѣ франкского посланника (4) и обѣщалъ дать все, что эмиръ захочетъ, но эмиръ отказалъ (5)».

«Франки увѣдомили Хивинцевъ (6), что, по просьбѣ ихъ, отказали и что Бухарцы и Русскіе составляютъ одно политическое тѣло.

«Поэтому Хивинцы, вытребовавъ къ себѣ франкского посланника (7), прислали его сюда.

«Если Франки завладѣютъ Хивою, то это будетъ вредно намъ и здѣшней странѣ. Если бы изъ числа Хивинцевъ, содержащихся здѣсь, отпустили 5 или 6 человѣкъ, то это было бы вредно для Франковъ: тогда соединились бы Бухарцы, Хивинцы и Коканцы и выгнали бы Франковъ, давали бы другъ другу помощь, началась бы свободная торговля, и подданные здѣшней страны и Русскіе, получая обоюдную пользу, молились бы о своихъ покровителяхъ (8).

(1) Здѣсь говорится о полковникѣ Стоддартѣ.

(2) По другимъ свѣдѣніямъ, сначала присланъ былъ Англичанинъ, который былъ задержанъ въ г. Карши, оставался тамъ подъ присмотромъ два мѣсяца, незадолго же до выступленія пришедшаго сюда съ посланцемъ каравана привезенъ въ Бухару и заключенъ подъ стражу; въ другой разъ присланъ былъ Афганецъ, но его не допустили до предѣловъ Бухары.

(3) Владѣлецъ хивинскій называется, неизвѣстно почему, «миръ ургенджскій».

(4) Стоддартъ называется посланникомъ по обыкновенію здѣшнихъ Азіатцевъ, у которыхъ названіе это придается кому бы то ни было, какъ скоро онъ пріѣдетъ съ порученіемъ или письмомъ къ правительству.

(5) Эмиръ бухарскій на всѣ предложенія Англичанъ (враждебныя Россіи) постоянно отвѣтствовалъ, что Бухарія съ незапамятныхъ временъ находится въ дружбѣ съ Россіею, что жители обоихъ владѣній привыкли къ взаимной торговлѣ, которая сдѣлалась имъ необходимою, и что онъ отношеній своихъ къ намъ ни за что не нарушитъ. Видно даже, что эмиръ задержаніемъ приходящихъ къ нему Англичанъ полагаетъ угрожать нашему правительству.

(6) Вѣроятно, хотѣли сказать: Хивинцы увѣдомили Франковъ.

(7) Капитана Аббота.

(8) Просьба объ освобожденіи 5 или 6 Хивинцевъ есть, вѣроятно, слѣдствіе ходатайства ихъ; по крайней мѣрѣ, ясно, что исполненіе этого желанія не принесетъ рѣшительно ни малѣйшей пользы и предсказанія Мукимбека не сбыточны.

«Посланника франкского (9) хотѣли отпратить вмѣстѣ съ нами сюда, но раздумали, потому что Хивинцы на дорогѣ отняли бы франкского посланника и воротили бы насъ (10)».

«Франкскій посланникъ (11) хочетъ обманомъ завладѣть Хивою и покорить себѣ, какъ и весь Индостанъ. Хивинцы ужасно боятся Русскихъ, и потому опасаются, чтобы они кому нибудь (12) не покорились, и тогда будетъ затруднительно для купцовъ. Купцы просятъ сдѣлать милость касательно пошлинъ. Когда поѣдемъ къ Государю Императору и найдемъ его веселымъ, тогда доложимъ о купцахъ, а въ противномъ случаѣ оставимъ (13). Да продлится ваше могущество до скончанія вѣка.»

Къ подлинному два раза приложена печать бухарскаго посланника.

Кромѣ этой записки, бухарскій посланникъ, въ словесныхъ объясненіяхъ съ Генсомъ, прямо говорилъ, что ему поручено: просить Государя Императора объ оказаніи высочайшаго покровительства эмиру бухарскому. Рапортъ генерала Генса 6 августа, № 278. Арх. канц. оренб. военн. губер.

(23) Высочайше утвержденная 30 декабря 1840 г. смѣта расходовъ по посылкѣ агентовъ въ Хиву и Бухару. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(24) Предписаніе главноуправляющаго Корпусомъ Горныхъ Инженеровъ 11 февраля 1841 г., № 773. Арх. канц. оренб. военн. губер.

(25) Въ проектѣ акта, послѣ небольшого приступа, слѣдуютъ тѣ 6 пунктовъ условій, которые изложены въ инструкціи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и кромѣ того еще одинъ:

«7. Наконецъ обязуется вообще поступать во всѣхъ случаяхъ, какъ и подобаетъ добрымъ сосѣдямъ и искреннимъ пріятелямъ, дабы болѣе и болѣе упрочить дружественныя связи съ могущественною Россійскою имперіею.» Арх. канц. оренб. военн. губер.

(26) Предписаніе министра иностранныхъ дѣлъ отъ 15 марта 1841 года, № 711. Арх. канц. оренб. военн. губер.

(27) Отношеніе графа Нессельроде къ Перовскому 17 марта, № 728. Арх. канц. оренб. военн. губер.

Считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько замѣтокъ Генса о прибытіи Стоддарта въ Бухару, составленныхъ на основаніи рассказовъ прибывшихъ въ Оренбургъ Бухарцевъ и въ особенности караваннаго начальника Рахимбая Атанбаева, который, сколько можно

(9) Полковника Стоддарта.

(10) Опасеніе сіе весьма основательно.

(11) Незавѣстно о комъ здѣсь говорится. Полковникъ Стоддартъ едва ли помышляетъ о завладѣніи Хивою. Скорѣе здѣсь можетъ быть рѣчь о капитанѣ Абботѣ.

(12) Т. е. Англичанамъ.

(13) Здѣсь говорится о купцахъ, прибывшихъ съ послѣднимъ караваномъ. Они недовольны начальникомъ таможеннаго округа, который, по словамъ Бухарцевъ, притѣсняетъ ихъ, а въ дѣйствительности только строго исполняетъ свою обязанность. Рапортъ къ Перовскому г.-м. Генса отъ 7 августа, № 280.

судить изъ словъ самого Генса, находился съ нимъ въ близкихъ сношеніяхъ.

«Въ началѣ января мѣсяца текущаго 1839 г. — пишетъ Генсъ къ Перовскому (*) — пріѣхалъ въ Бухарию изъ Герата одинъ Англичанинъ съ двумя товарищами, которые, кажется, были Азіатцы. Ихъ представили эмиру, который ихъ спросилъ о причинѣ и цѣли ихъ пріѣзжа, на что Англичанинъ съ грубостію отвѣчалъ, что онъ пріѣхалъ для удовольствія своего и изъ любопытства. Эмиръ велѣлъ посадить подъ караулъ всѣхъ троихъ, за то, что они пріѣхали въ Бухарию не спросивъ на то предварительно позволенія, а потомъ вскорѣ велѣлъ лишить жизни Азіатцевъ, за то, что они сопровождали Англичанина и указали ему дорогу, которой онъ безъ помощи ихъ будто не нашелъ бы.

«Пожитки всѣхъ этихъ путешественниковъ были тотчасъ отобраны и вынесены, для продажи, на базаръ. Въ числѣ ихъ были географическія карты и много другихъ бумагъ. Первые были проданы, на русскія деньги, отъ 5 до 20 коп. за каждую, прочія же бумаги еще гораздо дешевле.... Въ бумагахъ Англичанина продаютъ теперь въ лавкахъ чай и молочные товары. Въ числѣ вещей, принадлежавшихъ ему, находился секстантъ, который остался не проданнымъ, потому что, не зная употребленія его, никто не хотѣлъ его купить, и потому поручили Рахимбаю продать его въ Россіи, а какъ инструментъ этотъ не былъ уложенъ въ ящикъ и сдѣлать этого никто не умѣлъ, то полиціе-мейстеръ повелъ Рахимбая къ Англичанину, котораго онъ поэтому имѣлъ случай видѣть.

«Отъ роду ему 39 лѣтъ, росту онъ большого, сложенъ крѣпко, очень хорошъ собою, цвѣтъ лица бѣлый, глаза голубые, волосы и борода свѣтлые. Онъ говоритъ хорошо по персидски, но русскаго языка совершенно не знаетъ; почему Рахимбай, будучи съ нимъ не одинъ, не могъ много съ нимъ говорить.

«Онъ объявляетъ о себѣ, что имѣетъ чинъ генерала, и имѣлъ на груди семь знаковъ отличія, которые проданы вмѣстѣ съ другими вещами его. Ихъ купилъ одинъ изъ проживающихъ въ Бухаріи Индѣйцевъ, который не согласился ни за что уступить ихъ Рахимбаю.

«Несчастный Европеецъ этотъ сидитъ въ тюрьмѣ въ жалкомъ положеніи. На немъ кромѣ рубахи и тулупа нѣтъ никакой другой одежды, ни обуви. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что его убьютъ, иначе не обошлись бы его и содержали бы лучше.

«Имени его Рахимбай не знаетъ.

«Секстантъ Англичанина Рахимбай принесъ ко мнѣ. Я предложилъ 30 р. с., но какъ Англичанинъ сказалъ, что онъ за него заплатилъ 36 голландскихъ червонцевъ, то Рахимбай не рѣшается уступить его за эту цѣну, и видно надобно прибавить рублей 20.» Арх. генер. штаба Оренб. корпуса.

Ссылаясь на записки генерала Генса, кстати скажемъ, что, при

(*) Отъ 25 іюля 1839 года.

всемъ желаніи, мы, по независѣвшимъ отъ насъ причинамъ, какъ въ статьѣ о посольствѣ капитана Никифорова въ Хиву, такъ и въ настоящей, принуждены были часто пропускать изъ нихъ весьма интересные мѣста, особенно касательно политики Англичанъ въ Азіи; а потому намъ остается только пожалѣть, что такіе интересные матеріалы для исторіи нашихъ сношеній съ Тураномъ до сихъ поръ не разрѣшены къ изданію.

(28) Ханыковъ былъ назначенъ въ миссію незадолго до ея выступленія, въ качествѣ помощника агента по дипломатической части. Вотъ что еще писалъ Перовскій по этому случаю къ Л. Г. Сенинину: «что касается до отсылки въ Бухару титулярнаго совѣтника Ханыкова, то я считаю ее совершенно необходимою, потому что майоръ Бутеневъ мало знакомъ и съ географіею Средней Азіи, и съ характеромъ жителей ея, въ особенности Бухарцевъ, преимущественно склонныхъ къ хитрости и обманамъ...»

Мѣщанинъ же Цивилевъ, находившійся до 1840 года въ плѣну у Хивинцевъ, былъ приданъ миссіи, какъ опытный человекъ, для разнаго рода сношеній съ Азіатцами. Рапортъ Бутенева 1 іюля, № 55. Арх. канц. оренб. военн. губери.

(29) Предписаніе Перовскаго 12 мая, № 143. Арх. канц. оренб. военн. губери.

(30) Подарки, отъ Высочайшаго двора, владѣтелю Бухаріи:

Два куса парчи, въ сложности 36 арш., четыре куса сукна, въ сложности 112 арш., два куса венеціанскаго бархату, въ сложности 112³/₄ арш., четыре куса атласу, пять кусковъ шелковыхъ матерій, двѣнадцать кусковъ ситцу, двѣнадцать кусковъ тонкой кисеи, фарфоровый чайный приборъ съ позолотою, шесть полосатыхъ чашекъ, двѣ дюжины фарфоровыхъ тарелокъ, два подноса, два графина, 10 стакановъ, 12 тарелокъ, кувшинъ и умывальникъ. Пять сткланокъ и три зеркала.

Отъ вице-канцлера кушъ-бегію:

Два куса сукна—всего 53 арш., 2 куса атласу, 2 куса шелковыхъ матерій, 2 куса парчи 49¹/₂ арш., два подноса, 12 стакановъ, 6 тарелокъ, кувшинъ, умывальникъ, сткланка и два зеркала.

Отъ оренбургскаго военнаго губернатора:

Кусокъ сукна, 28 арш., кусокъ парчи, 26¹/₂ арш., кусокъ атласу, кусокъ шелковой матеріи.

Отъ управляющаго Азіатскимъ Департаментомъ:

Два куса атласу, два куса шелковыхъ матерій.

Вещи, предоставленныя въ распоряженіе агента:

Кусокъ бархату зеленого, 35 арш., кусокъ шелковой матеріи, кусокъ сукна, 25¹/₂ арш., 6 кусковъ кисеи, зеркало, 12 цвѣточниковъ, 12 чашекъ и тарелокъ, 2 карсельскія лампы, коверъ, компасъ, дорожные часы, двухствольное ружье, трое золотыхъ часовъ и три хорьковыхъ мѣха. Предписаніе Перовскаго 12 мая, № 143. Арх. канц. оренб. военн. губери.

(31) Предписаніе Перовскаго начальнику штаба Оренб. Корпуса, отъ 30 марта 1841 г., № 295. Арх. канц. оренб. военн. губери.

(32) Копія съ письма находится въ дѣлѣ по посольству майора Вутенева въ Бухару. Арх. канц. оренб. военн. губери.

(33) Предписаніе Перовскаго 12 мая 1841 г., № 143. Арх. канц. оренб. военн. губери.

(34) Донесеніе Вутенева Перовскому отъ 14 іюля, № 21. Арх. канц. оренб. военн. губери.

(35) Подробныя свѣдѣнія о прежней жизни эмира и вступленіи его на ханство можно между прочимъ найти въ описаніяхъ Бухарскаго ханства Борнса, Ханыкова и въ запискѣ о нѣкоторыхъ событіяхъ въ Бухарѣ, Хокандѣ и Кашгарѣ мирзы Шемса-Бухари, изданной В. В. Григорьевымъ, и въ примѣчаніяхъ къ этой запискѣ издателя.

(36) Подробная записка Генса о бухарскомъ эмирѣ, отъ 26 іюля 1840 года. Арх. Генер. Штаба Оренб. Корпуса.

(37) Отношеніе Перовскаго къ графу Нессельроде, отъ 14 октября 1851 г., № 413. Арх. канц. оренб. военн. губери.

(38) Рапортъ Вутенева Перовскому отъ 12 сентября, № 31. Арх. канц. оренб. военн. губери.

(39) Рапортъ Вутенева Перовскому отъ 19 октября, № 36. Тамъ же.

(40) Рапортъ Вутенева Перовскому отъ 27 января 1842 г., № 1. Тамъ же.

(41) Рапортъ Вутенева Перовскому отъ 15 апрѣля 1842 г., № 8. Тамъ же.

(42) Тотъ же рапортъ № 8.

Для болѣе же подробнаго знакомства съ положеніемъ нашихъ плѣнныхъ въ Хивѣ и Бухарѣ, передъ прибытіемъ туда миссіи Никифорова и Вутенева, приводимъ нѣкоторые выписки изъ разсказовъ возвращеннаго въ 1838 году изъ Бухары плѣннаго Якова Зиновьева, человека весьма смѣтливаго и грамотнаго. Сколько намъ помнится, записка Зиновьева была уже напечатана, въ концѣ 30-хъ годовъ, въ одной изъ нашихъ газетъ, но, тѣмъ не менѣе, она до сихъ поръ не утратила своего интереса.

Яковъ Зиновьевъ, экономическій крестьянинъ Московской губерніи, въ 1831 году, занимаясь рыболовствомъ на Каспійскомъ морѣ, былъ захваченъ Туркменами и проданъ хивинскому хану, который помѣстилъ его въ одномъ изъ загородныхъ своихъ дворцовъ, вмѣстѣ съ другими русскими плѣнными, подъ надзоромъ особаго чиновника, прозывавшагося, по словамъ Зиновьева, диванъ-беги или машрукъ.

«Насъ было въ *Иванды*—такъ называется Зиновьевъ загородный домъ, въ которомъ онъ жилъ—Русскихъ и Персіанъ невольниковъ человекъ съ сорокъ: каждому отпускалось въ мѣсяцъ по пуду пшеницы пополамъ съ землей, и больше ничего; самъ мели, да фунтовъ пять отдавай за помолъ, самъ и цѣки лепешки, а не даютъ ни щепки дровъ, ни досугу; дрова воруютъ у сосѣдей, да печешь лепешки по ночамъ. Ину пору, послѣ тяжелой работы, ночью и ѣсть хочетъ-

ся, и спать-то хочется, не знаешь бывало за что приняться. Наши-ми же краденными дровами и самому хану, когда пріѣзжаетъ бывало на дачу, плоть варятъ, а какъ пристанешь къ машруку: дай, дровъ, такъ онъ тебѣ на это: а нешто ты безъ рукъ? вонъ твои дрова не видишь—да и укажетъ на сосѣдній заборъ. Коли хозяева придутъ жаловаться къ хану, что невольники его воруютъ дрова, ломаютъ заборы, такъ онъ и отвѣчаетъ: поймай, такъ я его на ту же плаху и посажу; а поколѣ не поймалъ, не смѣй и говорить. Диванъ-беги же насъ училъ, бывало, и скотину воровать. Въ одну зиму мы коровъ съ 30 перерѣзали. Хозяинъ придетъ просить, диванъ-беги и мигнетъ намъ: приберите-де. Мы мясо приберемъ, а тамъ собаки знай потрохи по полю таскаютъ: это ничего, и нужды нѣтъ. Диванъ-беги и возьметъ въ руки топоръ, либо заступъ, самъ станетъ въ воротахъ, да и говоритъ просителю: ну ступай, обыщи; коли найдешь—будемъ отвѣчать; а коли не найдешь, такъ я тебя тутъ буду караулить. Тотъ постоитъ, постоитъ, да и отойдетъ. А диванъ-беги полою утирается, да пальцы облизываетъ и самъ еще не успѣлъ послѣдняго куска коровы этой проглотить. Такъ жилъ я два года; одежды нѣтъ, ѣсть нечего, коли не украдешь. Вышла какъ-то старая ханша въ садъ, я и говорю ей: вамъ-де, сударыня, кажись, на насъ бы глядѣть стыдно, ходимъ мы почитай нагишомъ; что ханъ не одѣнетъ насъ? а она мнѣ на это: чего стыдно? что на тебя глядѣть, что на собаку, все одно: и та не одѣвшись, ходитъ. Дѣлать нечего, подумалъ я, надо уйти....»

И ушелъ Яковъ Зиновьевъ, переплывъ Аму-Дарью, да, на бѣду, попался Туркменамъ, которые доставили его назадъ, въ Хиву. Здѣсь ханъ въ первомъ гнѣвѣ приказалъ было обрѣзать Зиновьеву носъ и уши, но потомъ смилословился и помѣстилъ опять на ту же дачу Иванды. Прошелъ годъ, и Зиновьевъ рѣшился вновь бѣжать по направленію къ Бухарѣ.

Счастіе на этотъ разъ ему не измѣнило, и, послѣ долгихъ странствованій, онъ достигъ бухарскаго города Каракули, откуда его представили эмиру.

«Съ той поры—говоритъ Зиновьевъ—жилъ я у бухарскаго эмира и житье, нечего сказать, было мнѣ хорошее и привольное, какъ и всѣмъ русскимъ плѣнникамъ его, которыхъ наберется не съ большимъ 30 человекъ. Кормили насъ хорошо, гуляли мы по волѣ, только караулъ дворцовый отбывали, а караулъ такой, что возьмешь постель свою подъ мышки, да и отправляешься подъ ворота....»

«Бухарцы не разъ жаловались эмиру, что когда стоимъ мы на часахъ ночью у дворца, то пугаемъ прохожихъ громкимъ окликомъ; ханъ на это смѣялся и сказалъ: не мѣшаетъ припугнуть насъ... Эмиръ Насыръ-Улла былъ бы всѣмъ хорошъ, и народъ любилъ бы его, да одолевъ его плотскій грѣхъ и уже не знаетъ онъ тутъ ни чести, ни правды, не боится ни людей, ни Бога, не разбираетъ ни возраста, ни полу....» Арх. Генер. Штаба Оренб. Корпуса.

(43) Рапортъ Бутенева Перовскому, отъ 15 мая, № 11. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(44) Рапортъ Бутенева начальнику штаба Оренб. Корп., отъ 27 июня 1842 г., № 43. Отзывъ начальника штаба корпуса къ директору Азіатск. Департ. съ отчетомъ, отъ 22 марта 1844 года, № 260. Арх. канц. военн. губ.

(45) Рапортъ Бутенева Перовскому отъ 16 июня, № 16. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(46) Письмо къ Перовскому Н. Ханыкова, отъ 8 декабря 1842 года. Арх. Ген. Шт. Оренб. Корп.

(47) Трудно представить, не бывши на мѣстѣ, какое впечатлѣніе оставилъ въ Хивинскомъ ханствѣ Никифоровъ. Сопровождавшіе его лица и современники не разъ намъ рассказывали, какъ важнѣйшіе хивинскіе сановники тряслись отъ страха, подходя къ его кибиткѣ, и не смѣли войти въ нее безъ доклада, и какъ нарушившій однажды этотъ церемоніаль чиновникъ былъ выгнанъ агентомъ изъ кибитки и потомъ, по его приказанію, вытолканъ въ шею съ посольскаго двора. Даже въ 1858 году, въ бытность нашу въ Хивѣ, память о Никифоровѣ сохранилась у стариковъ въ полной силѣ, и они съ какимъ-то трепетомъ и почтеніемъ произносили его имя, говоря, что и послѣ отбытія Никифорова онъ долго еще служилъ пугаломъ для всѣхъ Хивинцевъ, и при напоминаніи о немъ дѣти тотчасъ переставали плакать.

(48) Отзывъ гр. Нессельроде къ оренбургскому военному губернатору Обручеву, отъ 6 июля 1842 г., № 1990. Арх. канц. оренб. военн. губ.

(49) Отзывъ гр. Нессельроде къ Обручеву, отъ 7 августа, № 2263. Тамъ же.

(50) Отзывъ Обручева къ министру иностранныхъ дѣлъ, 21 декабря 1845 года, № 3450. Тамъ же.

МОРСКІЯ СИЛЫ РОССИИ (*).

Моря служатъ обыкновенно самыми удобными путями для международныхъ сношеній: черезъ ихъ посредство вѣдѣнная торговля можетъ пріобрѣтать наиболѣе обширные размѣры, а въ то же время и политическое вліяніе государствъ, прилегающихъ къ морямъ, можетъ быть распространяемо весьма далеко. Такимъ образомъ, обладаніе морскимъ побережьемъ становится почти необходимою для полнаго экономическаго и политическаго развитія каждаго государства, въ особенности же для государства обширнаго, изобилующаго сырыми матеріалами и нуждающагося въ произведеніяхъ мануфактурныхъ: только при обладаніи морскими границами подобныя государства могутъ надѣяться на выгодный и обширный сбытъ своихъ громоздкихъ произве-

(*) Опытъ послѣднихъ войнъ, веденныхъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, ясно показалъ, что между дѣйствіями сухопутныхъ и морскихъ силъ существуетъ весьма тѣсная и многозначительная связь. Это обстоятельство и побудило редакцію ознакомить читателей «Военнаго Сборника» съ состояніемъ нашихъ морскихъ силъ, пользуясь для того обильными матеріалами, представляемыми годовыми отчетами по разнымъ частямъ нашего морскаго управленія. Подобное ознакомленіе съ состояніемъ нашего флота казалось необходимымъ еще и потому, что о положеніи нашихъ морскихъ силъ слышались часто самыя превратныя мнѣнія: между тѣмъ какъ одни считаютъ эти силы весьма значительными и ожидаютъ отъ нихъ слишкомъ многого, другіе, напротивъ, совершенно уменьшаютъ ихъ дѣйствительное значеніе. Настоящая статья до нѣкоторой степени можетъ служить для установленія болѣе правильнаго взгляда на наши морскія силы. Но, будучи предназначаема для журнала, служащаго органомъ нашего военно-сухопутнаго вѣдомства, статья эта, весьма естественно, не можетъ быть спеціальнымъ трактатомъ о нашихъ морскихъ силахъ: она служитъ только для поверхностнаго ознакомленія читателей съ нашимъ флотомъ.

Прим. Редакции.